

ОДИНОКИЕ

ДРАМА В ПЯТИ ДЕЙСТВИЯХ

Перевод
В. БРУСКОВА

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Фокерат.
Фрау Фокерат.
Йоганнес Фокерат.
Кете Фокерат.
Браун.
Анна Мар.
Пастор Коллин.
Фрау Леман.
Кормилица.
Горничная.
Мелочная торговка.
Сцепщик на железной дороге.

ЭТУ ДРАМУ Я ПОСВЯЩАЮ ТЕМ, КТО ПЕРЕЖИЛ ЕЕ САМ.

Действие разворачивается на даче во Фридрихсхагене, под Берлином; сад этой дачи подходит к самому Мюггельскому озеру. В течение всех пяти действий декорации не меняются. Это просторная, напоминающая залу комната, служащая гостиной и в то же время столовой, обставленная по-буржуазному, солидно. Здесь стоит пианино, книжный шкаф, около него на стене развешены портреты — гравюры и фотографии — современных ученых (в том числе и геологов), среди них — Дарвина и Геккеля. Над пианино написанная маслом картина — пастор в облачении. Кроме того, на стенах несколько картин на библейские сюжеты Шнорра фон Карольсфельдта. Слева — одна, направо — две двери. Дверь слева ведет в кабинет Йоганнеса Фокерата; а двери направо — в спальню и в переднюю. В глубину комната сравнительно невелика. Через два сводчатых окна и стеклянную дверь в глубине открывается вид на веранду и сад, на озеро и на Мюггельские горы, находящиеся по ту сторону озера.

Действие происходит в наши дни.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Комната пуста. Сквозь прикрытую дверь кабинета слышится голос пастора, читающего проповедь; когда через несколько минут он кончает, раздаются звуки хора, исполняемого на фисгармонии. Во время первых тактов дверь раскрывается настежь, и на сцене появляются фрау Фокерат, Кете Фокерат и кормилица с ребенком в конверте. У всех праздничный вид.

Фрау Фокерат (почтенная женщина лет пятидесяти, в черном шелковом платье. Волнистые волосы разделены пробором. Она ласково берет руку Кете). Как он великолепно говорил, Кетхен. Правда?

Кете двадцать два года. Это хрупкая, бледная брюнетка среднего роста, с кротким видом, еще не совсем оправившаяся после родов. Она натянуто улыбается, машинально кивает и нагибается к ребенку.

Кормилица. Ах ты мой маленький, славненький, славненький мальчишка. (Качает ребенка на руках.) Кажется, он засыпает! Ш-ш!.. Ш-ш!.. Вот он и знать больше ничего не хочет. (Отстраняет ленту, которая беспокоила ребенка.) Так-так. А-а-а-а-а-а, а-а-а-, спи, моя крошечка, спи. (Напевает с закрытым ртом мелодию «Спи, моя радость, усни».) Ишь какой! А с пастором скандалил. (Передразнивает его.) Хе-хе! Купаться не захотел! Хе-хе! Что, не понравилось? (Напевает.) «Папочка, не секи меня сильно прутиком». Хе-хе! И раскричался же он! Ой, ай! Баю-баю-бай!.. Спи, деточка, спи. (Ногой отбивает такт песни.)

Кете смеется задушевно, но нервно.

Фрау Фокерат. Ах, посмотри только, Кетхен! Какая прелесть! Какие у мальчика длинные ресницы!

Кормилица. Хе-хе! Это маменькины. Спи, моя крошка... Словно бахрома.

Фрау Фокерат. Нет, правда, Кетхен, он — вылитая мать.

Кете энергично качает головой, не соглашаясь.

Правда!

Кете (*принужденно*). Ах, маменька! Я вовсе этого не желаю. По мне, пусть он совсем не будет на меня похож. Мне... (*Запинается.*)

Фрау Фокерат (*пытаясь переменить разговор*). Какой крепкий малыш.

Кормилица. Настоящий богатырь.

Фрау Фокерат. Посмотри, Кете, на эти кулачки.

Кормилица. У него кулаки, что у Голиафа.

Кете целует ребенка.

Фрау Фокерат. Не правда ли? И грудка широкая.

Кормилица. Грудь как у генерала, фрау Фокерат, можете мне поверить. Ш-ш!.. Ш-ш!.. Рука у него будет крепкой.

Фрау Фокерат. Откуда вам это известно?

Фрау Фокерат и Кете смеются.

Кормилица. Кровь у него здоровая. Ш-ш!.. Ш-ш!.. Кровь для детей самое важное! Ш-ш! (*Напевая.*) А-а-а!.. Мы сейчас пойдем, да-да, мы сейчас баюшки-баю. Спи, моя крошка, баюшки-баю! (*Уходит в спальню.*)

Фрау Фокерат (*закрыв дверь за кормилицей, оборачивается и, смеясь, качает головой*). «Ш-ш!.. Ш-ш!» Вот чудачка! Но очень трудолюбивая. Я рада за тебя, Кетхен, что она тебе попалась.

Кете. «Генерал!» Бог ты мой! (*Смеется. Смех ее становится судорожным и скорее переходит на плач.*)

Фрау Фокерат (*испугавшись*). Что с тобой?

Кете берет себя в руки.

(*Обнимая Кете.*) Кетхен!

Кете. Право же, все хорошо.

Фрау Фокерат. Нет, все-таки что-то у тебя есть. Да и не удивительно. Ты совсем недавно столько пережила. Пойди полежи несколько минут.

Кете. Уже все. Я чувствую себя хорошо, мама.

Фрау Фокерат. И все-таки полежи, хотя бы немножко!

Кете. Ах, лучше не надо, прошу тебя! Мы ведь сейчас будем обедать.

Фрау Фокерат (*у стола, где стоят вино и пирожные; наливает рюмку вина*). Выпей глоточек. Пригуби хотя бы, очень вкусно.

Кете пьет.

Это подкрепляет. Не правда ли? Милое, дорогое дитя мое, что это ты выдумала? Ну-ну. Ты должна сейчас поберечь себя. Остальное не важно. Все наладится. Не утомляй себя ненужными заботами. Все будет в порядке. Теперь у вас мальчишка, и все пойдет по-другому. Йоганнес успокоится...

Кете. Ах, если бы это было так, мама!

Фрау Фокерат. Подумай только, как он обрадовался, когда родился мальчишка. Ведь он вообще очень любит детей. Можешь быть в этом уверена. Так бывает всегда. Брак без детей — это ничто. Ни два, ни полтора. Сколько я молила господ бога, чтобы он послал вам ребенка. Знаешь, как у нас было. Сначала нам тоже супружеская жизнь не улыбалась. Это были четыре длинных года для меня и для него. Разве это была жизнь? Но потом господь услышал наши молитвы и послал нам Йоганнеса. Только тогда и началась наша жизнь, Кетхен. Подожди, пройдут первые три месяца, пока он глупыш, и ты не на радуешься на ребенка! Нет-нет! Ты будешь вполне довольна: у тебя сын, у тебя муж, который тебя любит. Вы можете жить без забот. Чего тебе еще надо?

Кете. Может быть, это все фантазии. Я сама вижу, что это так. Я, действительно, иногда выдумываю себе ненужные заботы.

Фрау Фокерат. Ты не должна обижаться на то, что я тебе скажу. Ты была бы гораздо спокойнее, Кет-

хен, гораздо спокойнее, если бы, если бы... Видишь ли, когда меня одолевают заботы и я помолюсь от всей души, выскажу все начистоту отцу небесному, тогда мне становится легко и радостно на сердце!.. Нет-нет. Что бы там ни говорили эти ученые, пусть их, а бог есть, Кетхен. Там, на небе, есть милосердный отец, — поверь мне, это так. Неблагодетельный мужчина — это уже плохо, но неблагочестивая женщина... Не обижайся, Кетхен. Полно, полно. Не будем говорить об этом. Я много молюсь. Я молюсь богу каждый день! Он услышит мою молитву, я знаю, вы ведь оба хорошие люди. И господь бог поможет вам стать набожными. *(Целует невестку.)*

Хорал кончается.

Ах, я заболталась!

Кете. Скорее бы мне совсем встать на ноги, маменька. Мне очень неприятно видеть, как ты тут одна надрываешься.

Фрау Фокерат *(в дверях в переднюю)*. Стоит ли об этом говорить. Здесь я у вас отдыхаю. Когда ты будешь совсем здорова, ты за мной поухаживаешь. *(Уходит.)*

Кете собирается идти в спальню, в этот момент из комнаты, где происходило крещение, выходит Браун. Брауну двадцать шесть лет. Он бледен, у него усталый вид, под глазами тени. Пушистые усы. Волосы коротко пострижены. Одет по-современному, с некоторой джентльменской небрежностью. Флегматичен, всегда чем-то недоволен и потому в плохом настроении.

Браун. Так. *(Стоит, вынимая сигарету из портсигара.)* Пытка кончилась.

Кете. Вот видите, господин Браун, вы отлично выдержали испытание!

Браун *(закуривая)*. Лучше бы я пошел писать. Стыд и грех пропустить такую погоду.

Кете. Ну, вы еще наверстаете потерянное время.

Браун. Эх! Все мы какие-то не от мира сего. *(Садится у стола.)* Впрочем, такие крестины тоже чего-то стоят.

Кете. А вы обратили внимание на Йоганнеса?

Браун (*живо*). Он был заметно взволнован! Я все время думал, что что-нибудь произойдет. Я боялся, что он прибудет пастора! Ну и чушь же он городил, просто невероятно.

Кете. Что вы, господин Браун!

Браун. Это же ясно, фрау Кете! Впрочем, я вполне доволен. Может быть, я что-нибудь напишу на эту тему. Но ее решить не так-то легко. Все это слишком сложно.

Кете. Вы это серьезно, господин Браун?

Браун. Если я напишу, то эта картина должна вызывать у каждого знакомый аромат воспоминаний. Такая, знаете ли, смесь белого вина, пирожных, нюхательного табаку и восковых свечей... То, что приятно щемит душу и напоминает бездумное детство. То, что...

Из комнаты, где происходило крещение, выходит Йоганнес Фокерат. Ему двадцать восемь лет. Он среднего роста, блондин, с выразительным, интеллигентным лицом. В его движениях проскальзывает беспокойство. Костюм его безупречен: фрак, белый галстук и перчатки. Йоганнес, вздыхая, снимает перчатки.

Ну, ты, я вижу, растаял, словно патока?

Йоганнес. Это ты напрасно. Кетхен, как там с обедом?

Кете (*робко*). Обедать мы будем на веранде, я думаю...

Йоганнес. Почему? Разве там уже накрыто?

Кете (*нерешительно*). Тебе это не нравится? Я думала...

Йоганнес. Кетхен, почему ты так робка? Ведь я тебя не съем. Это невыносимо.

Кете (*с напускной решительностью*). Я велела накрыть на веранде.

Йоганнес. Ну вот! Конечно! Очень хорошо? Я же не людоед!

Браун (*ворчливо*). Ну ладно, не ругайся.

Йоганнес (*обнимая Кете, добродушно*). Это ведь так, Кете, ты ведешь себя так, как если бы я был настоящим домашним тираном. Второй дядя Отто, или что-то в этом роде. Ты должна непременно отвыкнуть от этого!

Кете. Но иногда ты действительно бываешь несправедлив, Йоганнес...

Йоганнес (*опять горячась*). Даже если и так, то это не такая уж беда! А ты ответь как следует! Защищайся! Я ничего не могу с собой поделывать! А ты не поддавайся! Не знаю даже, что мне более неприятно, чем вот такая святая терпеливость.

Кете. Не горячись понапрасну, Ганнес. Стоит ли об этом говорить.

Йоганнес (*перебивая*). О-о-о! Нет, здесь ты основательно ошибаешься. Я несколько не горячусь, напротив... Странно, почему это я должен сейчас же горячиться...

Браун хочет что-то сказать.

Ну ладно! Вам лучше знать. Кончим! Поговорим-ка о чем-нибудь другом... Ах, да, да!

Браун. От твоих постоянных охов и вздохов кому не станет скучно!

Йоганнес (*хватается за грудь; на лице его изображается страдание*). А... ах!

Браун. Что там опять?

Йоганнес. Ничего особенного... Старая история. В груди колет.

Браун. И тут колет, Ганс.

Йоганнес. Послушай, мне вовсе не до шуток. А-ах...

Кете. Ах, Ганнес, это тебя не должно пугать, это не страшно.

Йоганнес. Да, когда у меня уже было дважды воспаление легких.

Браун. И это называется офицер запаса.

Йоганнес. Ну и что?

Браун. Старый ипохондрик. Не кривляйся! Съешь что-нибудь. Это проповедь ломит твои кости.

Йоганнес. Честно говоря, Брео... Ты так говоришь о крестинах... Ты знаешь, как я к этому отношусь. Во всяком случае, не с позиции верующих. Но есть такие вещи, которые для многих остаются священными.

Браун. Но не для меня.

Йоганнес. Я это знаю. Меня это тоже, в конечном счете, мало волнует. Но ты все же должен проявить хотя бы немного уважения к тому торжеству, которое только что...

Браун. Отвяжись ты от меня со своим уважением.

Йоганнес. Ну что тебе от этого?

Браун. Почему я должен сохранять уважение перед каким-то младенцем, выскочившим между ног. Это просто смешно!

Йоганнес. Не пойми меня дурно, если я... В другой раз я перенес бы это лучше, чем сегодня. *(Уходит на веранду; видно, как он проделывает упражнения лечебной гимнастики.)*

Браун смущено поднимается и без причины смеется.

Кете *(стоя у столика с шитьем)*. Вы его оскорбили, господин Браун.

Браун *(смущенно улыбаясь, потом раздраженно)*. Ничего не поделаешь, я до смерти ненавижу всякую половинчатость.

Кете *(после паузы)*. Вы несправедливы к нему.

Браун. Но почему же?

Кете. Я не знаю... Не могу это выразить... Во всяком случае... Ганнес искренне переживает.

Браун. С каких это пор, хотел бы я знать, он стал таким раздражительным?

Кете. С тех пор как речь зашла о крестинах. Я была уже так рада... но это вновь лишило его всякого покоя. Ведь это только форма. Нельзя же было из-за этого причинять такую несказанную боль старикам... Нет... Об этом не могло быть и речи... Подумайте только, такие набожные, благочестивые люди. Вы должны с этим согласиться, господин Браун.

Йоганнес *(открывая стеклянную дверь, кричит)*. Дети! Я был несносен. У меня все прошло. Будем веселы! *(Уходит в сад.)*

Браун. Вот овца!

Пауза.

Кете. Он иногда бывает так трогателен.

Пауза.

Из комнаты, где происходило крещение, шумно выходят старик Фокерат и пастор Коллин. Фокерату лет шестьдесят. Это крупный, сильный мужчина, склонный к полноте. У него седая голова, рыжая борода, веснушки на лице и руках. Ходит мелкими шажками, немного сутулясь. Весь он лучится любовью и дружелюбием. Производит впечатление человека веселого, простодушного, жизнерадостного. Пастор Коллин — семидесятилетный старик, в шапочке, нюхает табак.

Фокерат (*вводя пастора под руку, говорит мягким, слегка охрипшим голосом*). Большое-большое спасибо, господин пастор! Большое спасибо за необыкновенный подъем духа, н-да. Для меня это было настоящим душевным бальзамом, н-да. Ты здесь, дорогая доченька? (*Подходит к Кете, обнимает и сердечно целует ее.*) Ну, моя милая, голубушка Кете! Желая тебе счастья от всей души. (*Целует.*) Господь бог открылся нам в своей великой доброте, н-да... Во всей своей бесконечной доброте. (*Целует.*) Его благодать и милосердие безграничны. Так вот, значит, его отеческая десница, н-да, будет служить надежной защитой младенцу, н-да, н-да. (*Брауну.*) Позвольте, господин Браун, пожать вам руку.

Входит Йоганнес.

(*Идет ему навстречу.*) Ну вот и ты здесь, мой дорогой Йоганнес. (*Крепко обнимает, целует, почти плача от радости.*) Я рад за тебя. (*Целует.*) От души рад. Не знаю, как благодарить господа бога, н-да, н-да!

Пастор Коллин (*немного дрожит, часто дышит; торжественно пожимает руку Кете*). Еще раз, да будет над вами благодать господа бога! (*Пожимает руку Йоганнесу.*) Безграничная благодать господа бога.

Фокерат. Дорогой господин пастор, не можем ли мы вас чем-нибудь попотчевать? Нет? О!

Йоганнес. Непременно, господин пастор, бокал вина. Я принесу сейчас новую бутылку.

Пастор Коллин. Пожалуйста, без церемоний, слышите, без церемоний.

Йоганнес. Угодно ли вам белого, или...

Пастор Коллин. Как вам угодно, мне безразлично. Только, послушайте! Без церемоний, покорно прошу вас.

Йоганнес уходит.

Между прочим, я хотел бы... (*Ищет свои вещи. Его шляпа, пальто, длинный шарф висят на вешалке у дверей.*)

Фокерат. Вы ведь не уйдете сейчас, господин пастор?!

Пастор Коллин. Да, но как же моя проповедь, э... Кто же завтра прочтет ее вместо меня?

Браун держит пальто пастора и помогает ему одеться.

(*Надевая пальто.*) Благодарю вас, молодой человек.

Кете. Право, не окажете ли вы нам честь, господин пастор, разделить с нами наш скромный обед?

Пастор Коллин (*продолжая одеваться*). Было бы чудесно, дорогая фрау Фокерат, но...

Фокерат. Нет, дорогой господин пастор, право, вы должны оказать нам эту любезность...

Пастор Коллин (*неуверенно*). Но, послушайте только, послушайте...

Фокерат. Но если мы все вас так об этом просим?

Пастор Коллин. А как же мое слово божие, хе-хе, которое я должен завтра проповедовать? Да-да, проповедовать... слово божие... завтра...

Йоганнес вернулся, наливает вино.

Фокерат (*берет бокал и подносит пастору*). Ну, сперва... От этого уже вы ни в коем случае не откажетесь!

Пастор Коллин (*берет бокал*). Нет-нет, как можно... Послушайте, вот что я скажу. Итак, э... за здоровье... за здоровье новокрещенного.

Чокаются.

За то, чтобы он остался примерным сыном божьим!

Фокерат (*тихо*). Да будет воля его.

Йоганнес (*предлагает пастору сигары*). Вы ведь курите, господин пастор?

Пастор Коллин. Благодарю, да. *(Берет сигару и отрезает кончик.)* Благодарю. *(Берет предложенную Йоганнесом спичку.)* Пф... пф... *(С усилием раскуривает сигару, наконец она загорается. Оглядывается.)* А вы недурно устроились... пф... пф... с большим вкусом, право, недурно. *(Осматривает все кругом, разглядывает картины, сначала мельком, потом внимательнее. Останавливается перед картиной, которая изображает битву Иакова с ангелом.)* «Я не отпущу тебя... пф... пока ты меня не благословишь». *(Удовлетворенно бормочет.)*

Кете *(несколько испуганно)*. Папочка, я хотела бы тебе предложить... там в саду теперь удивительно хорошо. Там гораздо теплее, чем в комнате. Может быть, ты пройдешься с господином пастором... Я скажу, чтобы вам вынесли туда вино.

Пастор Коллин *(дошел до портретов ученых, которые висят у книжного шкафа)*. Пестрая компания! Это, вероятно... пф... пф... ваши учителя, господин доктор. Вы только послушайте.

Йоганнес *(слегка смутившись)*. Да, разумеется... то есть... за исключением Дарвина, конечно...

Пастор Коллин *(пристально рассматривает портреты)*. Дарвина? Дарвина? Ах так, Дарвин! Ах, да! Гм! Вы только послушайте. *(Читает по буквам.)* Эрнст Геккель. Даже с автографом! Пф... пф... *(Не без иронии.)* Значит, он был вашим учителем?

Йоганнес *(быстро и горячо)*. Да, и я горжусь этим, господин пастор.

Фокерат. Моя дочь права, дорогой господин пастор. На улице гораздо теплее. Если вы ничего не имеете против, я захвачу с собой бокалы и вино.

Пастор Коллин. Конечно, пф... пф... Чудесно, пф... пф... Но только, слышите, на две минуты, не больше! *(Уходя вместе с Фокератом, обиженно.)* Человек, господин управляющий, человек... пф... пф... слышите, вовсе не подобие господу богу, слышите. Обезьяна... пф... пф... как выяснило знание...

Выходят на веранду, с которой оба, живо жестикулируя, спускаются в сад. Браун смеется про себя.

Йоганнес. Чего ты смеешься?

Браун. Я? Почему? Я радуюсь.

Йоганнес. Ты радуешься?

Браун. А что, разве нельзя?

Йоганнес. Пожалуйста, пожалуйста. (*Ходит по комнате, вздыхает и вдруг обращается к Кете, которая собиралась уйти.*) Скажи-ка, я был несколько невыдержан?

Кете. Да, немножко!

Йоганнес (*пожимая плечами*). Да, дети мои. Ничего не попишешь. Не выношу я этого. Всему бывают границы... Я не терплю, когда меня хотят уколоть...

Кете. Но все было вполне пристойно.

Йоганнес. Вот как?

Кете. Кто знает, может быть, он вообще ничего не заметил.

Йоганнес (*ходит, почесывая затылок*). Это мне все же неприятно.

Браун. У тебя всегда есть причина позлиться, Ганс.

Йоганнес (*внезапно рассвирепев*). К черту! Они должны оставить меня в покое! Пусть они перестанут выводить меня из себя... иначе... Если у меня лопнет терпение...

Браун. Это было бы неплохо.

Йоганнес (*Брауну*). Догматики вы, больше ничего. Что от того, что я скажу правду в глаза этому старику? Что? Видишь ли, когда ты возражаешь мне таким образом, то гнев мой сразу стихает. Мне сразу становится ясно, что сердиться на таких людей — просто ребячество. Это все равно, что раздражаться из-за того, что на сосне иглы, а не листья. Надо быть объективным, сын мой.

Браун. В науке — возможно, но в жизни — нет.

Йоганнес. Ах, дети, как мне ненавистно все это, как ненавистно! Вы не можете себе даже представить! (*Бежит взад и вперед.*)

Браун (*отходя от печки, около которой он стоял, и подходя к столу, чтобы бросить окурок в пепельницу*). А мне, думаешь, нет? Я тоже часто бываю всем этим сыт по горло. Но без конца ныть и стонать по этому случаю — нет, к чертовой матери!

Йоганнес (*меня тон, смеется*). Ну, ты уж и скажешь. О том, чтобы вечно ныть и стонать, и речи быть не может. Так, вздохнешь иногда, только и всего. Иногда воздуху не хватает, вот и все. Нет-нет, мне в жизни не так уж худо. Во всяком случае, я далеко не такой банкрот, как ты.

Браун. Быть может.

Йоганнес. Ты играешь человека с характером.

Браун. Нет, нисколько.

Йоганнес. Банкрот, банкрот. Что значит вообще быть банкротом? Ты столь же далек от банкротства, как и я. Лучше бы я не портил настроение старику и пастору.

Кете (*обнимая Йоганнеса*). Ганнес, мой вспыльчивый Ганнес.

Йоганнес. И работа еще меня грызет. Опять я две недели ничего не делал.

Браун. Ты трус! Ты не можешь признаться себе в том, как ничтожна эта работа.

Йоганнес (*не расслышав*). Что?

Браун. Если идет дождь — то мокро, если идет снег — то бело, если морозно — то лед.

Йоганнес. Ты — баран.

Кете. Не расстраивай себя, Ганнес. Подумай о малютке Филиппе! Мы зароемся здесь на зиму, и так нам хорошо будет. Вот увидишь, как работа пойдет.

Йоганнес. Знаешь, Брео, четвертая глава уже готова.

Браун (*безучастно*). Вот как?

Йоганнес. Посмотри, каков манускрипт! Один указатель источников — двенадцать страниц! Вот это труд! Не правда ли? У самих ученых головы закружатся.

Браун. Возможно.

Йоганнес. Взгляни хоть сюда. (*Листает рукопись*.) Здесь я нападаю на Дюбуа-Реймона.

Браун. Ах, право, не читай ты сейчас. Мне что-то лень слушать. Как-нибудь в другой раз.

Йоганнес (*покорно*). Нет-нет, конечно! Я и не собирался. Я...

Кете. Сейчас будем есть.

Йоганнес. Нет-нет, конечно! Я и не думал об

этом, я только хотел... э-э... (*Вздыхая, убирает рукопись в шкаф.*)

Кете. Веселее, Ганнес, веселее!

Йоганнес. Но я и так весел, Кете.

Кете. Нет, Ганнес, с тобой опять что-то.

Йоганнес. Ах, если бы в этом огромном мире хоть кто-нибудь уделил мне немного внимания. Мне много не надо. Хоть самую малость. Немножко интереса к моей работе.

Кете. Будь благоразумен. Не расстраивай себя. Будь терпелив. Наступит время, когда твою работу оценят...

Йоганнес. А до этого? Ты думаешь, легко работать без всякой поддержки?.. Ты думаешь, что можно долго так выдержать?

Кете. Да, я думаю. Видишь ли, Ганнес, когда тебя одолевают черные мысли, надо стараться от них отделаться. Идем, Ганнес, взгляни на малютку. Как он мил, когда спит. Он всегда так спит. (*Складывает руки, подражая мальчику.*) У него всегда такие кулачишки. Очень забавно. Пойдем!

Йоганнес (*Брауну*). Пойдешь с нами?

Браун. Ах, нет, Ганс, я ничего не понимаю в маленьких детях. Я лучше пойду прогуляться в сад. (*Уходит на веранду.*)

Йоганнес. Станный парень.

Кете (*осторожно открывает дверь в спальню*). Он очень, очень мил! Тсс... тихо... совсем тихо...

Оба уходят на цыпочках, держась за руки. Фрау Фокерат и служанка в это время накрывают стол на веранде. Вдруг слышится звон разбивающейся посуды. Короткий крик, и бледная служанка почти бегом пробегает от веранды к выходу. Фрау Фокерат идет за ней, ругаясь.

Фрау Фокерат. Ну, знаете ли, Минна, это уже слишком! Каждый день вы что-нибудь бьете. И к тому же мы лишились прекрасного майонеза.

Служанка уходит в переднюю.

Да, у меня бы такого не случилось. Должны же служанки хоть чему-нибудь научиться.

Йоганнес (*выходит на шум из спальни*). Что тут

случилось, матушка? (*Обнимает ее, успокаивая.*) Успокойся, успокойся, только не сердись, мама.

Кете (*через полуоткрытую дверь*). Что там?

Йоганнес. Ничего, пустяки.

Кете скрывается за дверью.

Фрау Фокерат. Ничего себе — пустяки! Благодарю покорно. На десять марок посуды разбито, и это пустяки! И, кроме того, чудесный майонез!.. Нет... (*Отстраняет Йоганнеса.*)

Йоганнес. Мамочка, мамочка! Ну не поедим разок майонеза.

Фрау Фокерат. Нет-нет, вы слишком легкомысленны. И не настолько богаты, чтобы бросать деньги на ветер. Вы слишком распустили прислугу. Она скоро сядет вам на голову.

Йоганнес. Ну что ж делать! Если она целый день возится с посудой...

Фрау Фокерат. Я тоже не тиран. У меня прислуга живет по шесть-семь лет. Но, если разбивает что-нибудь, она платит. У вас, конечно, другое дело. У вас они едят взбитые сливки и икру! Все это новые идеи. Но мы как-нибудь обойдемся без них, слышишь!

Йоганнес (*весело*). Будь добренькой, мамочка!

Фрау Фокерат. Я и так добра, мой мальчик! (*Целует его.*) Сумасшедшая голова! Я говорю: ты совсем не годишься для жизни!

На веранде служанка вытирает пол и собирает осколки.

Йоганнес (*вздрагивая*). Да, мама! (*Весело.*) Но почему ты смотришь на меня... такими глазами? Таки-ми испуганными глазами? Таки-ми настороженными?

Фрау Фокерат. Я? Ах, что ты? Что?.. Не знаю... Как же мне смотреть?

Йоганнес. Посмотри-ка на меня еще раз!

Фрау Фокерат. Глупый мальчик! (*Пристально смотрит на него.*)

Йоганнес. Вот теперь хорошо.

Фрау Фокерат. Глупый! Я хотела бы, чтобы ты был доволен, чтобы ты был довольным человеком, Ганс.

Йоганнес. Мама! Этого ты никогда не дождешься. Довольные люди — это трутни в пчелином улье. Ничтожества!

Фрау Фокерат. Но к чему все это...

Йоганнес (*серьезно и вместе с тем взволнованно*). Мой мальчик тоже должен быть таким же, по-настоящему недовольным человеком.

Фрау Фокерат. Упаси боже! Йоганнес!

Йоганнес. Он должен быть вообще другим человеком, чем я. Об этом я позабочусь.

Фрау Фокерат. Человек предполагает, а бог располагает. Мы тоже делали все, что могли.

Йоганнес. Ну конечно, мамочка! Но ведь я тоже не вышел совсем уж неудачным.

Фрау Фокерат. Нет, что ты! Я этого не говорю и не хотела сказать. Но ты ведь сам сказал, что Филипп должен быть другим... И... и... видишь ли, ты ведь не веришь... Ты даже не веришь в милостивого бога. У тебя нет никакой религии. Это огорчительно.

Йоганнес. Религия, религия! Во всяком случае, я не верю, что бог похож на человека и так же действует, имеет сына и так далее.

Фрау Фокерат. Но, Йоганнес, в это нужно верить.

Йоганнес. Нет, мама! Нет нужды в это верить, и все-таки можно понимать религию. (*Несколько назидательно.*) Тот, кто наблюдает природу, тот стремится познать и бога. Бог — это природа. Это сказал Гёте, мамочка. А он знал больше, чем все пасторы и суперинтенданты всего света.

Фрау Фокерат. Ах, мальчик! Когда я слышу, что ты так говоришь... мне становится обидно, что ты не остался теологом. Я помню еще, что мне говорил дьякон, когда ты приносил свою пробную проповедь...

Йоганнес (*весело*). Мама, мама, все это в прошлом.

Раздается звонок.

Фрау Фокерат. Наружная дверь ведь открыта. (*Делает несколько шагов в сторону двери.*)

Стучат.

Прачка Леман (*в синем полинялом ситцевом платье; входит нерешительно*). Добрый день!

Фрау Фокерат и Йоганнес (*не совсем вместе*). Добрый день, фрау Леман!

Фрау Леман. Я хотела только посмотреть. Извините меня за беспокойство, фрау Фокерат. Я ищу своего квартиранта. Ищу уже давно.

Йоганнес. Да, фрау Леман. Господин Браун здесь.

Фрау Леман (*оглядываясь*). Ого! Хорошо вы живете.

Фрау Фокерат. Как поживаете, фрау Леман?

Фрау Леман. Ах, фрау Фокерат! Что может быть у меня хорошего. Я прогнала своего старика. Невозможно стало терпеть. Теперь вот приходится крутиться: с пятью ребятами нелегко.

Фрау Фокерат. Что вы говорите! Но, позвольте...

Фрау Леман (*делаясь все разговорчивее*). Видите ли, фрау Фокерат, если бы я не была так больна. Но дела мои очень плохи. Злость, понимаете ли, она совсем съедает человека. Но меня за это нельзя судить. Я своему старику сказала: Адольф, говорю, иди-ка ты, говорю, с богом к своим друзьям, иди-ка, говорю, к своим забулдыгам. Отправляйся-ка! А пятерых наших ребят я прокормлю как-нибудь одна. Видишь ли, говорю ему, если ты и заработаешь что-нибудь, то сейчас же, говорю, в глотку спустишь. Ума в тебе ни на грош, говорю, нет. Если бы у тебя, говорю, было бы что-нибудь в голове, не довел бы ты, говорю, жену и детей до нищеты. Да, милая барыня, все это я ему сказала, и, можете мне поверить, у самой все внутри перевернулось от этих слов, точно мне кто вонзил жало, я вам скажу. Но теперь уже ничего не изменишь. Честно, если говорить правду, то так лучше. Теперь, я думаю, господь бог не допустит, чтобы я погибла с моими пятью малютками. (*Всхлипывает и вытирает глаза.*)

Фрау Фокерат. Мы должны всегда...

Фрау Леман. Да-да, вот я и говорю. Иди, говорю, к индейцам... убирайся. Если ты честен, говорю, и работаешь, говорю, и гроши сберечь умеешь, тогда, говорю, еще жить можно. Я честная, поверьте мне, фрау

Фокерат. По мне, пусть кругом сколько угодно денег лежит, я не трону. Даже не притронусь.

Йоганнес. Вы хотели переговорить с Брауном, фрау Леман?

Фрау Леман. Ах, нет! Что же это, чуть из головы не выскочило. Барышня приехала, хочет непременно его видеть.

Через входную дверь просовывается голова фрейлейн Мар, но сейчас же скрывается.

Йоганнес (*заметив ее*). Пожалуйста, пожалуйста, войдите. (*Женищинам, которые ничего не заметили.*) Это фрейлейн. Это и есть та самая фрейлейн. (*К фрау Леман.*) Вы бы должны были ее сюда ввести. (*Открывая дверь.*) Прошу вас, уважаемая фрейлейн. Вы хотели видеть моего друга Брауна. Будьте любезны, зайдите сюда.

Фрейлейн Анна Мар двадцать четыре года. Она среднего роста, с маленькой головкой, с темными прямыми волосами. Черты лица тонкие, нервно-выразительные. В ее непринужденных движениях чувствуется грация и сила. Анна держится с подчеркнутой уверенностью и живостью, что в сочетании с ее скромностью и тактом вовсе не нарушает общего впечатления женственности. Она одета в черное.

Анна (*входит*). Ах, простите меня, пожалуйста; мне ужасно неловко, что я беспокою вас.

Йоганнес. Ах, что вы! Пожалуйста.

Анна. Фрау Леман долго не возвращалась... и я хотела ей только сказать... что я могла бы встретить господина Брауна как-нибудь в другой раз.

Йоганнес. Ну что вы, пожалуйста. Я сейчас же позову Брауна. Присядьте, прошу вас.

Анна. Благодарю вас. (*Продолжает стоять.*) Право же, мне очень неловко...

Йоганнес. Я прошу вас, уважаемая фрейлейн! Я приведу вам Брауна сию минуту.

Анна. Я доставляю вам хлопоты, я...

Йоганнес. Нисколько, фрейлейн. Извините, сию минуту. (*Уходит на веранду.*)

Смущенное молчание.

Фрау Леман. Ну вот, мне пора уходить домой. (К фрейлейн Анне.) Обрато вы сами дорогу найдете.

Анна. Спасибо вам, что привели меня сюда. Разрешите вас отблагодарить. (Дает ей деньги.)

Фрау Леман. Благодарствую, благодарствую. (К фрау Фокерат.) Это мои первые денежки сегодня, фрау Фокерат. Ей-богу, трудно одной жить, а все ж таки лучше шкуру с себя спустить, чем терпеть этого пьяницу. Когда веришь в бога, оно лучше. Господь бог-то еще никогда меня не оставлял в беде. (Берясь за ручку двери.) Теперь я прямо в лавочку. Купить надо чего-нибудь своим червячкам. (Уходит.)

Фрау Фокерат (вслед ей). Зайдите на кухню. Вам дадут остатки... (Приносит стул и ставит его рядом с тем стулом, который Йоганнес поставил для фрейлейн Мар, и садится.) Прошу вас, фрейлейн, может быть, вы пока присядете.

Анна (садится нерешительно). Я совсем не устала, я...

Фрау Фокерат. Вам знакомы здешние места?

Анна. Нет! Я родом из русской Прибалтики... я...

Смущенное молчание.

Фрау Фокерат. Здесь очень много песку. Мне здесь не нравится. Я сама из окрестностей Бреславля. Здесь все так дорого, вы себе даже не представляете. Мой муж арендует имение. Это кое-что дает, случается и детям что-нибудь послать. Вы видели озеро? Оно действительно красиво, надо ему отдать должное. У нас очень удобно — наша дача у самого берега. Внизу в саду у нас привязаны две лодки. Но я не люблю, когда дети катаются на них. Я очень боюсь... Осмелюсь спросить вас: вы сейчас живете в Берлине?

Анна. Да. Я здесь впервые, и мне захотелось как следует осмотреть Берлин...

Фрау Фокерат. О да, Берлин стоит посмотреть. Но только там очень шумно.

Анна. О да! Шумно. Особенно если привыкла жить в маленьких городах...

Фрау Фокерат. Откуда вы приехали, если это не секрет?..

Анна. Я родом из Ревеля, а теперь возвращаюсь в Цюрих. Последние четыре года я провела в Цюрихе.

Фрау Фокерат. Ах, вот как! Прекрасная Швейцария! У вас, вероятно, родные в Цюрихе?

Анна. Нет. Я учусь.

Фрау Фокерат. В университете?

Анна. В университете.

Фрау Фокерат. Что вы говорите? Так вы, значит, студентка! Что вы говорите! Это в высшей степени интересно! Вы действительно студентка?

Анна. В самом деле, уважаемая фрау!

Фрау Фокерат. А скажите, пожалуйста, вам нравится много заниматься?

Анна *(с улыбкой)*. О да, очень нравится — в известной мере.

Фрау Фокерат. Скажите на милость!

На веранде показываются Йоганнес и Браун. Дамы замечают их приближение и встают.

Анна. Мне, право, жаль, уважаемая фрау, что я вам помешала.

Фрау Фокерат. Пожалуйста, дорогая фрейлейн, я была очень рада увидеть собственными глазами настоящую студентку. У нас иногда имеются очень глупые взгляды на этот счет. Вы родственница господину Брауну?

Анна. Нет, мы познакомились в Париже, на выставке.

Фрау Фокерат *(подает ей руку)*. Будьте здоровы. Мне, право, было очень приятно...

Анна. Еще и еще раз простите за беспокойство.

Фрау Фокерат с поклоном удаляется в переднюю. Йоганнес и Браун с минуту о чем-то совещаются. После этого Йоганнес садится на веранде, а Браун входит в комнату.

Браун *(удивленно)*. Фрейлейн Мар? Вы?!

Анна. Я! Надеюсь, вы не сочтете меня столь бестактной... Ваша хозяйка, ваша оригинальная фрау Леман виновата в том, что я здесь...

Браун. Святой Бимбам!

Анна. Как, по-прежнему?

Браун. Мне бы это и во сне не приснилось. Но это действительно превосходно!

Анна. У вас всегда все превосходно! Право, вы совсем не изменились!

Браун. Вы находите? Но, фрейлейн...

Анна. Нет-нет, что вы? Я хотела только посмотреть, что вы подделываете... (Лукаво.) Главным образом мне хотелось узнать, как продвигается ваша большая картина. Ею уже можно восхищаться?

Браун. Этой картины не существует. Нет мысли, даже холст еще не куплен, фрейлейн Мар!

Анна. Это печально, очень печально. А вы мне так твердо обещали.

Браун. Человек думает, а кучер правит. Еще раз прошу вас снять жакет.

Анна. Ну, я вас повидала, господин Браун, и думаю...

Браун. Нет-нет, вы должны здесь остаться.

Анна. Здесь?

Браун. Ах вот что! Вы, наверное, не знаете, где мы находимся? У Йоганнеса Фокерата. Вы наверняка помните его по моим рассказам. Кстати, здесь сегодня крестины. Вы пришли вовремя.

Анна. Ах, нет-нет! Об этом не может быть и речи. И вообще у меня сегодня еще много дел в городе.

Браун. Магазины уже все закрыты.

Анна. Это ничего не значит, мне нужно навестить знакомых. Но не делайте из этого вывод, что вы от меня отделались. Мы еще должны хорошенько поговорить. Я проберу вас, погодите, вы, обманщик. Вы мне кажетесь художником, у которого все картины в голове.

Браун. Действительно, каждую из них надо сначала осмыслить, а уж потом братья за кисть.

Анна. Ну, кто вас знает!

Браун. Вы не уйдете, слышите?

Анна. Ах, пожалуйста, господин Браун, отпустите меня, ради бога.

Браун (кричит). Ганс, Ганс!

Анна. Я прошу вас.

Йоганнес входит смущенный.

Браун. Разрешите представить. Мой друг Йоганнес Фокерат. Фрейлейн Анна Мар.

Анна. Я так много о вас слышала.

Йоганнес *(вместе с Анной)*. Я так много о вас слышал.

Браун. Подумай, Ганс, фрейлейн собирается уходить.

Йоганнес. Это очень огорчит мою жену и всех нас. Неужели вы не сообразовали остаться у нас?

Анна. Право, не знаю... Но, если я в самом деле вам не в тягость, я охотно останусь.

Йоганнес. Никоим образом. Напротив. *(Помогает ей снять жакет и передает его Брауну.)* Повесь, пожалуйста. Я побегу сказать жене. *(Заглядывая в дверь спальни.)* Кете! *(Уходит в спальню.)*

Анна *(приводит в порядок перед зеркалом свое платье)*. Ваш друг очень любезен.

Браун. Даже, пожалуй, слишком.

Анна. Разве?

Браун. Я, конечно, шучу. Он очень хороший малый, но когда заговорит о своей работе, то становится просто невыносимым. Вот увидите, если вы останетесь здесь после обеда, он непременно прочтет вам свою работу.

Анна. А что это за работа?

Браун. Для меня она чересчур ученая. Философско-критическая, психо-физиологическая — сам черт не разберет.

Анна. Это интересно. Я сама равнодушна к философии, как говорится.

Браун. Ну, фрейлейн, в таком случае вы не скоро отсюда выберетесь. Если вы заинтересуетесь его работой, это обрадует его несказанно.

Йоганнес *(выходя из спальни)*. Браун!

Браун. Да?!

Йоганнес. Поди-ка к Кете. Успокой ее немножко. Ей кажется, что у мальчишки одно ребрышко слишком выдается.

Браун. Подумать только!

Йоганнес. Конечно, вздор! Но сходи к ней. Она сама создает себе ненужные заботы.

Браун. Хорошо-хорошо. Иду. (*Уходит в спальню.*)

Йоганнес. Моя жена просит извинить ее, фрейлейн. Она выйдет через несколько минут. Она поручила мне показать вам наш сад. Если вам угодно, то...

Анна. О, с большим удовольствием!

Йоганнес (*улыбаясь*). У нас действительно очень живописный уголок, но мы его только снимаем. Самое чудесное в нем — это озеро. Вы видели Мюггельское озеро? (*Передает ей зонтик.*)

Разговаривая, они направляются к веранде.

Я ненавижу город. Мой идеал — большой парк, окруженный высокой стеной. В такой обстановке ничто не мешает жить своими интересами.

Анна. Вы эпикурец.

Йоганнес. Вы правы. Но я вас уверяю, у меня нет другого выхода... Вам не холодно?

Анна. О нет, я закалена...

Йоганнес пропускает Анну вперед и следует за ней на веранду. Здесь они задерживаются на несколько секунд. Видно, как Йоганнес показывает ей открывающийся вид и что-то объясняет. Наконец они оба исчезают в саду. Из спальни появляются Браун, а за ним фрау Кете.

Браун (*оглядываясь*). Они ушли.

Кете. Вот как?

Браун. Нет-нет, с ребрышком ничего особенного. Это вещь вполне естественная.

Кете. У меня почему-то так тревожно на душе.

Браун. Тревожно? Почему?

Кете (*улыбаясь*). У меня даже сердце сжимается.

Браун. Это у вас просто нервы.

Кете. Она очень горда?

Браун. Кто?

Кете. Я говорю об этой фрейлейн.

Браун. Анна Мар? Горда? Нисколько.

Кете. Не могу себе представить. Я бы на ее месте невесть что воображала о себе.

Браун. Нет-нет, нисколько. Напрасно вы о ней так думаете.

Кете. Напротив, я испытываю к ней необыкновенное уважение.

Б р а у н. Н-да! Впрочем, она временами бывает немножко заносчивая. Но от этого ее отучают, только и всего.

Пауза.

К е т е. Ганс оставил здесь одну страничку своей рукописи. Понимает она в этом что-нибудь?

Б р а у н. Думаю, что да.

К е т е. Вот как? Ах! Нашей сестре приходится играть довольно жалкую роль перед такими образованными особами.

Б р а у н. Ах, бросьте! Я тоже знаю не очень много. Я тоже не был студентом. Но это еще не значит, что я должен преклоняться перед особами, начиненными университетскими премудростями.

К е т е. Она, вероятно, великолепно говорит?

Б р а у н. Великолепно? Нет. Она как раз говорит так... как все мы. Она бесспорно умна. Но из этого еще не следует...

К е т е (*улыбаясь*). Когда я была девочкой, я была настоящей болтушкой. Целый день я могла без умолку говорить о чем угодно. Чаше всего — ни о чем. Теперь я по крайней мере от этого отвыкла. Теперь я бы так не могла. Я вообще сейчас боюсь слово сказать. (*У дверей веранды.*) Мамочка, поставь еще один прибор.

Ф р а у Ф о к е р а т (*с веранды, где она накрывает на стол*). Для кого?

К е т е. Для фрейлейн.

Ф р а у Ф о к е р а т. Для кого? Ах, да. Хорошо. Ладно, Кете!

К е т е (*Брауну, вздыхая*). Ах! Все равно все, все не так. Стараешься что-то сделать. Но к чему, поможет ли это? Не поздно ли уже все? (*Останавливается перед букетом роз.*) Взгляните, как они хороши. Еще не отошли розы. (*Подносит букет Брауну.*) И какой сильный запах!

Б р а у н. Чудесно!

К е т е (*ставит букет на прежнее место*). Она молодая?

Б р а у н. Кто?

К е т е. Фрейлейн Мар.

Б р а у н. Я даже не знаю, сколько ей лет.

Кете. Мне уже двадцать два. Да-да, годы уходят.

Браун. Скажите пожалуйста — уходят! *(Смеется.)*

Кете. Ах, и все же я очень ограничена.

Фрау Фокерат *(просовывает голову в дверь)*. Дети, я готова. *(Скрывается. Кричит с веранды в сад.)* Папа! Папа!

Фокерат и пастор Коллин, оба в отличном настроении, поднимаются на веранду.

Фокерат *(у открытой двери, с пальто пастора в руках)*. Н-да! Прошу покорно заходить и разоблачаться. Ха-ха-ха! *(Радостно смеется.)*

Пастор Коллин *(в руках шляпа, шарф, палка; смеясь и покуривая сигару)*. Ха-ха-ха, вот уморительная история. Послушайте только... пф... пф... Вот смех. *(Смеется.)*

Фокерат. Это факт, уверяю вас, господин пастор. *(Вносит его пальто.)*

Пастор Коллин. «Господин Нейгебауэр!..» *(Смеется.)* Пф... пф... «Господин Нейгебауэр, вам что-нибудь угодно?» *(Смеется. Вешает шарф и шляпу, поправляет шапочку на голове.)*

Фокерат *(смеется вместе с ним)*. «Господин Нейгебауэр...». *(Брауну.)* У нас были похороны в деревне, господин Браун. Только собрались все вокруг гроба, и вдруг... *(изображает ужас на лице)* видите ли, что-то там зашевелилось. Может быть, кто-нибудь стулом двинул или что-нибудь в этом роде. *(Изображает на лице ужас.)* Все вздрогнули от страха, и только церковный служака... ха-ха-ха!.. один оказался храбрецом. Он собрался с духом, подошел осторожно к гробу... ха-ха-ха... и постучал. *(Подражает голосу служки и стучит по столу.)* «Господин Нейгебауэр, господин Нейгебауэр, вам что-нибудь угодно?»

Оба смеются от души.

Пастор Коллин *(смеясь)*. Послушайте! Пф... пф... Это правда! Я хорошо знаю этих церковных служек.

Фрау Фокерат *(входя)*. Ну, папочка, прошу пока суп не остыл.

Фокерат. Итак, господин пастор! Прошу покорно.

Пастор Коллин. Вы меня уговорили. Так и знайте. *(Бросает окурок сигары в пепельницу и предлагает фрау Фокерат руку.)* Фрау Фокерат!

Фокерат *(собирается подать руку невестке)*. А где же Йоганнес?

Фрау Фокерат. И фрейлсйн? Нст, это нехорошо с его стороны. Весь обед остынет...

Фокерат *(весело)*. Вот видите, господин пастор: по усам текло...

Пастор Коллин. ...а в рот не попало. Ха-ха-ха!

Фокерат. Это, видимо, та дама. Мы видели какую-то парочку на озере. Не правда ли, господин пастор?

Пастор Коллин. Да, конечно! Они уехали кататься.

Фрау Фокерат. Ах, я думаю, мы начнем.

Фокерат. Кто вовремя не является...

Браун *(смотрел все время в окно веранды)*. Они идут, они идут.

Фокерат. Пора, давно пора.

Йоганнес и фрейлейн Анна входят через двери веранды

Йоганнес. Мы опоздали?

Фокерат. Как раз вовремя.

Йоганнес. Прошу извинения, мы... на воде так хорошо... Разрешите? *(Представляет.)* Господин пастор Коллин! Мой отец! Моя мать!

Фрау Фокерат. Мы уже знакомы.

Йоганнес. Моя супруга — фрейлейн Мар.

Все направляются на веранду: фрау Фокерат под руку с пастором, Кете под руку со старым Фокератом, Йоганнес ведет фрейлейн Мар. Последним идет Браун.

Комната пуста. Из спальни доносится колыбельная песня кормилицы:

«Кто хозяев не боится?

Кто в солومه шевелится?

То гусятки, наши крошки,

Теплый пух, босые ножки».

С веранды доносится звон посуды. Внезапно входит Кете, чтобы достать еще что-то из ящика стола. За ней быстро идет Йоганнес.

Йоганнес. Кете! Зачем тебе все это? Зачем ты бегаешь? Предоставь это мне.

Кете. Ах, оставь, не так уж я слаба...

Йоганнес *(возбужденно)*. Послушай! Она действительно необыкновенное создание! Сколько знаний! Какая самостоятельность в суждениях! И подумать, что она еле-еле сводит концы с концами. Ты ведь помнишь, что Браун нам говорил. Мне кажется, Кете, наш долг просить ее, чтобы она погостила у нас несколько недель.

Кете. Хорошо, если ты хочешь.

Йоганнес. Мне-то что! Тебе ее присутствие нужнее, чем мне! Ты должна этого хотеть! Ты могла бы у нее многому научиться.

Кете. Ты бываешь иногда ужасным, Йоганнес.

Йоганнес. Но разве я неправ? Ты должна с радостью хвататься за каждую возможность, чтобы немного расти духовно. Ты должна стремиться к этому. Ты должна удерживать здесь фрейлейн. Я не понимаю, как можно быть такой равнодушной.

Кете. Я всегда за это, Ганнес.

Йоганнес. У вас нет искорки! Ни капельки инициативы... Это ужасно!

Пастор стучит по бокалу.

Кете. Иди, Ганнес, иди! Пастор будет произносить тост. Я сейчас приду! Я согласна. Неудобно, что мы оба вышли из-за стола, когда...

Йоганнес. Ну, будь хорошей, Кете. *(Целует ей глаза, на которых выступили слезы, и быстро уходит на веранду.)*

Слышен голос пастора. Из спальни все тише доносится колыбельная песня кормилицы. С Кете что-то произошло. Как только ушел Йоганнес, она вся как-то увядает и, стараясь дойти до веранды, ищет руками опоры. Несколько раз ее охватывает легкое головокружение. Наконец она не может дальше идти и вынуждена сесть. Она смотрит перед собой остановившимся взглядом и беззвучно шевелит губами. Глаза ее полны слез. Пастор кончил свою речь. Слышен звон бокалов. Кете берет себя в руки, поднимается и идет дальше.

Занавес

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Великолепное осеннее утро. Фрау Фокерат в домашнем платье, в переднике, со связкой ключей, накрывает стол для завтрака. Доносятся мужские голоса, поющие песню: «Кому господь окажет благодать». Хор проходит мимо дома. Фрейлейн Анна Мар показывается у дверей веранды с корзинкой винограда. Она стоит тихо, прислушиваясь к пению, потом прикрывает ладонью глаза и смотрит вдаль, на озеро. Пение звучит тише. Анна входит в комнату. На ней черное утреннее платье с короткими рукавами, черный кружевной платок покрывает голову и шею. Она прижимает к груди букет пестрых осенних листьев.

Фрау Фокерат. Доброе утро, фрейлейн.

Анна (*ставит корзину в сторону, подбегает к фрау Фокерат и целует у нее руку*). Доброе утро, мама Фокерат.

Фрау Фокерат. Так рано и уже на ногах, дорогая фрейлейн?

Анна. Мы собираем виноград, господин Йоганнес и я.

Фрау Фокерат. Теперь самое время. (*Пробует ягоды из корзины.*) Слаще уже не будет. Вам не холодно, фрейлейн? (*Трогает пальцем ее голую руку.*) Не легко ли вы одеты? Мне кажется, что сегодня довольно свежо.

Анна (*выбирает во время этого разговора кисти винограда и осторожно раскладывает их на деревянной дощечке*). Хорошо, что свежо. Но я этого не боюсь. Я привыкла к холоду. Воздух великолепен. Колышки на озере, к которым привязывают лодки, были совсем белыми от инея сегодня утром. Это имело очень своеобраз-

разный вид. Вообще здесь чудесно! Не могу ли я помочь вам, мама Фокерат?

Фрау Фокерат. Передайте мне, пожалуйста, сахарницу.

Анна (*поставила сахарницу на стол. Нагнувшись над столом и искоса взглянув в сторону фрау Фокерат*). Вы на меня не сердитесь, что я зову вас мама Фокерат?

Фрау Фокерат (*смеется*). Ах, что вы?

Анна. Я так счастлива, что вы мне это разрешаете. (*Неожиданно и порывисто целует фрау Фокерат*.) Ах, я вообще так вам благодарна, что вы мне разрешаете здесь побыть.

Фрау Фокерат. Ну что вы, моя милая фрейлейн.

Анна. Я себя чувствую такой счастливой в вашей семье. Вы все ко мне так сердечно относитесь. Вообще вы все очень хорошие люди.

Фрау Фокерат. Ну, что вы!.. Как много на вас паутинок! (*Снимает нити паутины с платья Анны*.)

Анна. Кто мог бы поверить, что могут быть такие счастливые семьи. До сих пор я ничего подобного не видела.

Фрау Фокерат (*все еще снимая с нее паутинки*). Не стоит говорить об этом, фрейлейн. Подождите. Здесь еще целый клубок.

Анна. Вы суеверны, мама Фокерат?

Фрау Фокерат. Ах, нет-нет, душенька! Это верно! Господь бог очень добр к нам. Но все еще не так хорошо, как могло бы быть.

Анна. Право, не знаю... Ведь вы все такие... Ах, нет, не говорите этого!

Фрау Фокерат. Нет-нет, вы правы. Не надо роптать. (*Уклончиво*.) А право, чудесно, что вы здесь у нас. (*Таинственно*.) Для Йоганнеса вы настоящий добрый гений.

Анна (*удивлена. Меняется в лице. Вдруг, порывисто*). Вы правда можете терпеть меня хоть немножко?

Фрау Фокерат. Вы мне даже очень приятны, фрейлейн.

Анна. Но не так, как вы мне. Я вас люблю как родную мать. (*Берет пустую корзинку и собирается ухо-*

дти в сад.) У господина Йоганнеса слишком доброе сердце, пожалуй, даже чересчур мягкое.

Фрау Фокерат. С чего вы это взяли?

Анна. Так, вообще... Вчера мы, например, встретили на улице пьяного. В это время дети как раз выходили из школы. И старшие не давали ему покоя. Перед Мюггельским замком собралась целая толпа.

Фрау Фокерат. Да-да, этого он не выносит. Тут уж его никак не удержать. Он навлек на себя из-за этого кучу неприятностей.

Анна. Разве это нехорошо, мама Фокерат?

Фрау Фокерат. Хорошо? Ах... Ну да, конечно, почему же нет! Он хороший мальчик... Но, если хорошо подумать, для чего ему все это? К чему эта доброта? И, как бы он ни был хорош, бога своего он все же потерял... Не так все это легко, поверьте мне, фрейлейн, особенно для матери... для родителей... которые всю душу свою вложили, чтобы сделать из сына доброго христианина. *(Сморкается, чтобы скрыть свое волнение.)* Противный насморк! *(Занялась вытиранием пыли; после паузы.)* Конечно, он добр! Все это, действительно, хорошо и прекрасно, только горе-то вдвое тяжелее от этого. Да и видно, как он казнится за свое неверие. На всем, что он ни предпринимает, нет благословения божьего. Всегда и во всем поспешность и беспокойство. Просто не жизнь, а какая-то скачка. Если бы еще что-нибудь из этого выходило. А то что-то не видно... Каким он был раньше!.. Настоящим вундеркиндом. Я помню, еще пастор Шмидель... Все только удивлялись. Тринадцати лет он был уже во втором классе, семнадцати кончил гимназию... А сейчас?.. Сейчас почти все товарищи давно обогнали его. Люди, наполовину менее способные, чем он, уже давно сделали карьеру.

Анна. В сущности, это вполне естественно. Это показывает как раз, что господин Йоганнес вырос из рамок обыденщины. Проторенные дороги не для него. Господин Йоганнес принадлежит к числу людей, которые ищут новых путей.

Фрау Фокерат. Ни один человек не даст за это ломаного гроша, фрейлейн Анна! К чему все это, если он впустую тратит свои силы? В тысячу раз было

бы лучше, если бы он сделался простым фермером, или садовником, или же, по моему мнению, чиновником, или еще кем-нибудь и бросил всю свою философию... Ну, фрейлейн, не портите себе из-за этого приятное настроение. На меня иногда нападает такая тоска. Мне иногда кажется, что всего этого могло бы и не быть. А потом я поскучаю-поскучаю, да и подумаю: господь бог устроит все к лучшему... Да-да! Вы улыбаетесь! Что поделаешь, я человек старых понятий и уж от этого не отступлю. От того, говорю я, который находится там, наверху, меня не может оторвать никакая сила на свете.

Анна. Я тоже этого не хочу. Я вовсе не смеялась, мама Фокерат. Но, видите, вы уже и сами стали сейчас немножко веселее. Давайте выйдем на воздух? Вы не хотите? На веранде чудесно!

Фрау Фокерат. Нет-нет, я простужусь. Да у меня и дела. Ступайте одна и приведите сюда Йоганнеса. Завтрак готов.

Анна уходит. Фрау Фокерат стирает пыль с мебели. Слышен барабанный бой и звуки флейты. Фрау Фокерат спешит к окну. Шум инструментов понемногу стихает и замолкает. Из спальни выходит Кете.

Кете (*устало*). Как шумно здесь по воскресеньям.

Фрау Фокерат. Приехали спортсмены из Берлина, Кете! Интересные ребята! Доброе утро, Кетхен! Ну, как ты отдохнула, дитя мое? Хорошо? Выглядишь ты что-то не очень.

Кете. Малыш дважды просыпался. Да и мне что-то не спалось. Погоди, мама! Мне надо подумать...

Фрау Фокерат. Ты должна согласиться, дитя мое. Малышка может спать один, с кормилицей.

Кете (*с легким укором*). Ах, мама, ты ведь знаешь...

Фрау Фокерат. Но почему — нет?

Кете. Ты знаешь, что я ни за что не соглашусь...

Фрау Фокерат. Но придется же тебе когда-нибудь на это согласиться!

Кете (*раздраженно*). Я не позволю, чтобы нас разлучили... Филипп — мой ребенок. Такого малыша без матери...

Фрау Фокерат. Дитя, дитя! Господь с тобой! Кто же так думает!.. Иди сюда. Хочешь кофе? Намазать тебе хлеб маслом? Или...

Кете (*садится к столу, усталым голосом*). Ну, хорошо, пожалуйста.

Пауза. Фрау Фокерат намазывает масло на хлеб.

Где же Йоганнес?

Фрау Фокерат. Они собирают виноград, он и фрейлейн.

Кете (*подперев подбородок рукой, растягивает слова*). Она очень мила? Не правда ли?

Фрау Фокерат. Признаюсь, мне она тоже нравится.

Кете. Ну, скажи сама, мамочка: ты ведь всегда так плохо отзывалась об эмансипированных женщинах.

Фрау Фокерат. Что хорошо, то хорошо! И я, действительно, должна сказать...

Кете (*вяло*). Так проста и так женственна. Ничуть не навязчива. И, несмотря на это, очень умна и много знает. Все это мне очень нравится. Не правда ли, мамочка? К тому же она совсем не кичится своими знаниями. Я, право, очень рада за Йоганнеса! Мама, не находишь ли ты, он теперь всегда так весел?

Фрау Фокерат (*удивленно*). Да! Да! Ты права. Сейчас он временами бывает даже беспечен.

Кете. Не правда ли, мамочка!

Фрау Фокерат. Это потому, видишь ли, что у него теперь есть кто-то, кому он может выкладывать свои ученые вопросы.

Кете. Это для него очень важно.

Фрау Фокерат. Да-да, может быть.

Пауза.

Кете. Во многом я должна согласиться с фрейлейн Анной. Она недавно сказала: мы, женщины, находимся в весьма униженном положении. Она совершенно права. Я на себе это чувствовала сотни раз.

Фрау Фокерат. Ах, это меня мало трогает. Знаешь, с такими вопросами ей вообще лучше не обращаться ко мне, старой опытной женщине. Она это от-

лично поняла. Для этого я слишком много прожила и за плечами у меня слишком большой опыт.

Кете. Но все же она права, мама. Это ясно как божий день, что она права... Мы, женщины, действительно какие-то презренные существа... Подумай только: в наших законах существует статья — об этом она мне вчера говорила, — согласно которой муж еще и теперь имеет право в умеренном количестве подвергать жену телесным наказаниям.

Фрау Фокерат. Я этого не знаю и ничего не могу сказать об этом. Да и вряд ли такое существует. Но, если ты не хочешь меня огорчать, Кете, не занимайся ты этими историями. Все это сбивает человека с толку, лишает его душевного покоя. Подожди, дитя, я принесу тебе кофе... Таково мое мнение, Кетхен. *(Уходит.)*

Кете сидит у накрытого к завтраку стола, подперев руками подбородок, держа локти на столе. Вдруг мимо окон проходят Йоганнес и Анна, громко смеясь и разговаривая. Кете вздрагивает, начинает дрожать, поднимается, чтобы проводить их глазами. Взгляд ее полон страха, она тяжело дышит. Слышно, как фрау Фокерат гремит кофейником. Вскоре она появляется и находит Кете за столом в том же положении, в каком она ее оставила.

Фрау Фокерат *(с кофе)*. Так... да... Теперь выпей и подкрепись!

С веранды входят Анна и Йоганнес.

Хорошо, что вы пришли.

Йоганнес *(оставив дверь открытой)*. Оставим дверь открытой. Солнышко уже основательно пригревает... Вы сильно порезались, фрейлейн?

Анна *(тащит за собой несколько виноградных лоз)*. Ах нет, совсем нет. Ветки были мокрыми, вот ножницы и скользнули. *(Быстро идет к Кете, берет ее за обе руки и целует в лоб.)* Доброе утро, фрау Кете! О! Какие у вас холодные руки. Какие у вас холодные руки. *(Трет ей руки, чтобы согреть их.)*

Йоганнес *(целует Кете сзади в щеку)*. Доброе утро, Кете. *(С комическим удивлением.)* О господи боже мой, как ты бледна сегодня! Ужасно! Прямо-таки больная курочка.

Фрау Фокерат. Однако вы напустили сюда холоду. Скоро придется топить печку. Ну, садитесь. *(Наливает всем кофе)*.

Анна *(украшает стол виноградными лозами)*. Украсим немного.

Кете. Чудесно!

Йоганнес *(сидя)*. Ну, судите сами, как выглядит фрейлейн Анна сегодня и как она выглядела восемь дней тому назад, когда приехала к нам.

Анна. Мне живется здесь слишком хорошо. Надо уезжать.

Фрау Фокерат. Все это деревенский воздух.

Йоганнес. А кто тогда упирался, кто не хотел?

Фрау Фокерат. Что-то делает сейчас папочка?

Йоганнес. Он, наверно, здорово по тебе скучает.

Фрау Фокерат. Ну, у него много дела. С озимыми уже кончили... Он пишет, чтобы я осталась здесь только до тех пор, пока я нужна.

Йоганнес. Он за тобой приедет, мамочка?

Фрау Фокерат. Да, приедет, если я ему напишу. *(Анне.)* Он рад всякому случаю повидать своих детей. А теперь еще и внучка! Поглядели бы вы на него, когда пришла ваша телеграмма, что родился мальчик. Надо было видеть этого мужчину. Он просто с ума сходил от радости.

Кете. Добрый папочка! Нет, право, ты должна скорее к нему ехать. Это было бы слишком эгоистично с нашей стороны...

Фрау Фокерат. Я-то поеду! Но раньше пускай у тебя появятся другие щечки.

Анна. А я пока побыла бы здесь. Что вы думаете! Я тоже умею хозяйничать. Ах, и готовила бы я вам! По-русски! Борщ или плов!

Все смеются.

Фрау Фокерат *(невольно резко)*. Нет-нет! Я ни в коем случае не уеду!

Кете. Что же, если можешь, мамочка, так оставайся.

Пауза.

Йоганнес. Кетхен, передай-ка мне меду.
Кете. Ах, вот и Браун идет.

Появляется Браун в пальто, шляпе, с зонтиком и дорожным чемоданчиком в руках, под мышкой книга. Он производит впечатление скучающего человека. Походка усталая и развинченная.

Браун. Доброе утро.

Йоганнес. Откуда это ты в такую рань?

Фрау Фокерат отмахивается от чего-то салфеткой.

Это пчела, мамочка; не бей ее, не бей.

Браун. Я собрался в Берлин за красками, но, к сожалению, опоздал на поезд.

Йоганнес. Дружище! Это с тобой часто случается.

Браун. Ну, завтра еще будет время.

Кете (*приподнимая руки, как будто пчела жужжит около ее тарелки*). Она чует мед!

Анна. Сегодня больше нет поездов? (*Смотрит себе на грудь, угрожаяще.*) Пчелка! Пчелка!

Браун. Эти для меня слишком дороги. Я езжу только рабочим поездом.

Йоганнес. Рабочие поезда идут только рано утром. Скажи, ты еще можешь рисовать?

Браун. Без красок? Нет.

Йоганнес. Брео! Брео! Ты, друг, что-то разленился.

Браун. Какая разница — получить известность днем раньше или днем позже. Да и вообще вся эта живопись...

Йоганнес. Играть в шахматы лучше. Да?

Браун. Если бы ты этим больше заинтересовался. Но твое море, милый друг, не имеет гаваней. Ты живешь без передышки.

Йоганнес. Ах, это, видимо, невозможно...

Фрау Фокерат (*вскакивает и кричит*). Оса, оса!

Все машут салфетками вокруг фрау Фокерат.

Йоганнес. Уже улетела.

Фрау Фокерат (занимая место). Противные насекомые.

Все садятся.

Йоганнес. Подсаживайся. Что у тебя там?

Браун. Что, любопытно? Интересная вещичка!

Йоганнес. Перекуси с нами немножко.

Браун (садится и передает Йоганнесу книгу; тот ее перелистывает). Это я сделаю очень охотно. Я так, на ходу... Найди-ка: «Художники» Гаршина.

Йоганнес (листая). Что ты там откопал?

Браун. Специально для тебя, Ганс.

Анна. Да, это очень хороший рассказ. Вы его раньше не читали?

Браун. Нет. Сегодня утром я начал его читать в кровати. Из-за него-то я и опоздал на поезд.

Анна. Кто вам больше нравится — Рябинин или Дедов?

Йоганнес. Во всяком случае, ты сейчас охотнее читаешь, чем рисуешь.

Браун. Вернее всего, в настоящий момент я не увлечен ни тем, ни другим. Впрочем, советую тебе почитать Гаршина. Ты убедишься, что есть вещи, которые могут быть важнее для человека, чем все написанное и нарисованное в этом мире.

Анна. Значит, вы солидарны с Рябининым?

Браун. С Рябининым? О, так категорично я не могу этого заявить.

Йоганнес. Что же это за рассказ — «Художники»?

Анна. В нем изображены два художника: один наивный, а другой — так называемый мыслящий. Наивный был когда-то инженером и стал живописцем. Мыслящий бросает живопись и становится школьным учителем.

Йоганнес. По какой причине?

Анна. Он приходит к мысли, что принесет больше пользы, будучи учителем.

Йоганнес. Что приводит его к этому выводу?

Анна (берет у Йоганнеса книгу, листает). Подождите! Проще всего будет, если я прочту вам это место. Вот оно! (Держит пальцем нужное место и, обращаясь ко всем, поясняет.) Дедов, бывший инженер, привел

Рябинина в котельную завода. Люди, работающие внутри котлов, как правило, от ужасного шума молота скоро глухнут. Потому другие рабочие зовут их глухарями. Такого «глухаря» за работой и показывает ему Дедов. (*Читает.*) «Он сидел, согнувшись в комок, в углу котла и подставлял свою грудь под удары молота. Я смотрел на него полчаса; в эти полчаса молот поднялся и опустился сотни раз. Глухарь корчился. Я его напишу».

Фрау Фокерат. К чему вообще изображать такие ужасы? Кого это может порадовать?

Йоганнес (*смеясь, ласково проводит рукой по голове матери*). Мамочка, мамочка. Разве всегда надо смеяться?

Фрау Фокерат. Я этого не говорю. Но искусство должно доставлять радость.

Йоганнес. От искусства можно получить гораздо больше, чем только радость.

Анна. Рябинин тоже далеко не весел. Он потрясен и взбудоражен.

Йоганнес. Сравни это с сельским хозяйством, мамочка. Ведь, для того чтобы получить что-то новое, землю тоже долгие годы будоражат плугом.

Анна. В Рябинине тоже, например, зарождается что-то новое. Он делает для себя вывод: до тех пор пока существует такая нужда, преступно заниматься чем-то другим, не направленным на устранение этой нищеты.

Фрау Фокерат. Но нищета всегда была и будет.

Йоганнес. Мысль стать учителем, по-моему, не совсем удачна.

Браун. Почему же? Разве это не полезнее, чем рисовать картины или писать книги?

Йоганнес. Не знаю, как ты оцениваешь свою работу, тебе это виднее. Я же считаю, что мой труд имеет немаловажное значение.

Браун. Просто ты не хочешь признаться в том, в чем я отдаю себе ясный отчет.

Йоганнес. В чем именно? В чем я не хочу себе признаться?

Браун. Как раз в этом.

Йоганнес. В чем же?

Браун. Да в том, что вся твоя писанина так же не нужна, как и...

Йоганнес. Какая писанина?

Браун. Да твоя, психо-физиологическая.

Йоганнес (*грубо*). В этом ты ничего не смыслишь.

Браун. А мне это и не нужно.

Йоганнес. Ну, знаешь ли? В таком случае ты просто жалкий невежда и твой умственный уровень не выше...

Браун. Ладно-ладно, кичись своим образованием...

Йоганнес. На мое школьное образование я плюю, и ты это хорошо знаешь; однако, очевидно...

Браун. Ты говорил это сотни раз. И все-таки из всех пор так и прет твое школьное чванство. Ну, давай кончим с этим! Все это довольно щекотливые вещи, и пускай каждый, наконец, решает их сам для себя.

Йоганнес. Почему — щекотливые?

Браун. Не стоит говорить. Ты сразу выходишь из себя. Начинаешь волноваться...

Йоганнес. Договаривай до конца, друг мой! Говори яснее.

Браун. А, чепуха! Ведь это действительно не имеет смысла. Пускай каждый идет своим путем.

Йоганнес. Но ты считаешь, что я иду не тем путем?

Браун. Не хуже, чем все остальные. Ты такой же соглашатель.

Йоганнес. Извини, если я тебе на это не отвечаю. Надоело. (*Встает, взволнованный.*) Так-то! Вы, друзья мои, бросаетесь радикальными фразами, а я вам раз навсегда сказал, что в этом смысле мне с вами не по дороге: потому я и соглашатель.

Браун. Да, это только в твоём представлении, а на самом деле все иначе. Стоило нам, другим, в споре решительно отстаивать наши взгляды, как ты становился на сторону старого и отжившего. Поэтому ты оттолкнул от себя всех своих друзей и остался один.

Кете (*мягко*). Ганнес!

Йоганнес. Друзья, которых я мог оттолкнуть... на таких друзей мне, честно говоря, наплевать.

Браун (*поднимается*). Тебе на них наплевать? (*Смотрит на Анну.*) С каких это пор, Ганс?

Кете (*после паузы*). Вы уже уходите, господин Браун?

Браун (*оскорблен, равнодушным тоном*). Да, у меня есть еще дела.

Йоганнес (*добродушно*). Не делай глупостей.

Браун. Нет, правда.

Йоганнес. Ну, как знаешь.

Браун. Всего хорошего! (*Уходит.*)

Молчание.

Фрау Фокерат (*начинает собирать посуду*). Я не знаю, вы всегда так восторгаетесь Брауном. Я же должна сказать вам честно: он мне не очень нравится.

Йоганнес (*раздраженно*). Мама, сделай одолжение...

Кете. Но, Ганнес, Браун был действительно довольно бесцеремонен с тобой.

Йоганнес. Дети, прошу вас, не вмешивайтесь в мои личные дела,

Снова наступает молчание. Фрау Фокерат убирает со стола, Кете поднимается.

(*К Кете*). Ты куда?

Кете. Купать малыша. (*Кивает Анне, натянуто улыбаясь, и уходит в спальню.*)

Фрау Фокерат собирается унести на подносе часть посуды. В это время приоткрывается дверь в переднюю, и показывается голова женщины; она кричит: «Зеленщица!»

Фрау Фокерат (*отвечает*). Сейчас иду. (*Уходит в переднюю.*)

После паузы.

Анна (*поднимается, переводит свои часы*). Сколько сейчас времени... Точно? (*Обращаясь к нахмурившемуся Йоганнесу.*) Ну, что скажете, господин доктор? (*На-*

певая мелодию песенки «Милый братик», плутовато по-сматривает на Йоганнеса.)

Оба смеются.

Йоганнес (снова серьезно, вздыхая). Ах, фрейлейн Анна, к сожалению, все это ужасно.

Анна (шаловливо грозит ему пальцем). Ну тогда не смейтесь!

Йоганнес (снова смеется, потом серьезно). Нет, правда. Вы просто не знаете, что скрывается за всем этим, за последними словами Брауна.

Анна. Вы не слышали еще, как я играю на фортепиано?

Йоганнес. Нет, фрейлейн... я думал, что вы вообще не играете.

Анна. Нет-нет. Я шучу... Итак, мы сегодня катаемся на лодке.

Йоганнес. Признаюсь, у меня пропала охота к чему бы то ни было.

Анна (с дружеской угрозой). Господин доктор, господин доктор, не годится вешать нос.

Йоганнес. Я не понимаю, как такой человек, как Браун...

Анна. Сколько можно говорить о Брауне! Неужели его слова произвели на вас такое глубокое впечатление?

Йоганнес. Видите ли, фрейлейн, это старая история, которую вновь разворошили, и...

Анна. Оставьте их в покое, господин доктор, эти старые истории. Пока смотришь назад, ничего не видишь впереди.

Йоганнес. Конечно, вы правы... оставим все это. Впрочем, интересно, как в общем-то умные люди могут годами повторять одни и те же ошибки. И он говорит это искренне! Он считает мою философскую работу никому не нужной. Можете вы себе это представить?

Анна. Да, такие люди есть.

Йоганнес. По их мнению, надо быть деятельным в обществе, шуметь, слыть радикалом. Нельзя венчаться в церкви, хотя бы невеста и была воспитана в ре-

лигиозном духе. И вообще не надо обращать ни на кого внимания. А если человек, как, например, я, живет в узком мирке своей научной работой, то в глазах своих друзей он становится человеком, предавшим свои идеалы. Разве это не странно, фрейлейн?

Анна. Ах, господин доктор, не придавайте большого значения тому, что говорят ваши друзья. Если ваши воззрения удовлетворяют вас, не огорчайтесь тем, что других они не устраивают. Подобные столкновения только отнимают у человека силы.

Йоганнес. Ах нет, нет! Конечно, нет! Я больше себе этого не позволю. Не нравится— как угодно. Но не всегда можно оставаться равнодушным. Ведь мы вместе росли, я привык к тому, что меня немного ценят... И когда вдруг лишаешься всего этого, то кажется, что попадаешь в безвоздушное пространство.

Анна. Но ведь у вас семья, господин доктор.

Йоганнес. Это так, конечно... Но это значит... Нет, фрейлейн Анна! Вы поймете меня ложно. Я еще никогда ни с кем об этом не говорил. Вы знаете, как я привязан к своей семье. Но семье до моей работы нет никакого дела. Кетхен в лучшем случае настроена доброжелательно... Это очень трогательно! Она все всегда находит великолепным. Но я ведь знаю, что она сама не может судить об этом. Какая же мне от этого польза? Поэтому я буквально на небесах с тех пор, как вы здесь, фрейлейн Анна. Первый раз в жизни кто-то проявляет деловой интерес к моей работе, ко всему тому, что я был в состоянии сделать. Это придает мне силы. Все равно что дождь в засуху. Это...

Анна. Да вы почти поэт, господин доктор!

Йоганнес. Есть от чего стать поэтом. Вы очень заблуждаетесь. Моя мать ненавидит мою бедную рукопись. Она с удовольствием сунула бы ее в печь. Мой дорогой отец относится к ней далеко не благожелательно. От них ничего другого ожидать нельзя. Моя семья, когда речь идет о моей работе, способна только палки в колеса вставлять. Впрочем, меня это и не удивляет. Но когда даже мои друзья не обнаруживают ни грана уважения к моей работе, когда такой человек, как Браун...

Анна. Меня удивляет, что именно Браун причиняет вам столько горя.

Йоганнес. Да, Браун... Вот так... мы знаем друг друга с детства.

Анна. То есть вы знаете его с детства?

Йоганнес. Да, и он меня.

Анна. Он... вас? Вот как?

Йоганнес. Ну конечно!.. Впрочем, до известной степени.

Анна. А мне казалось, вы такие разные.

Йоганнес. Вы находите?

Анна *(после паузы)*. Господин Браун во многих отношениях еще несамостоятелен, именно поэтому... я не хочу сказать, что он завидует... но его злит... Ему неприятно то постоянство, которого вы придерживаетесь в своих взглядах на жизнь. Это его даже пугает... Кое-чему он поднаучился: определенные социально-этические идеи... или как их там иначе можно назвать; он взял их на вооружение, он за них держится, потому что не может самостоятельно мыслить. Он не сильная личность, как и большинство художников. Он не доверяет своему собственному мышлению, он должен чувствовать за собой толпу.

Йоганнес. О, если бы я слышал эти слова несколько лет тому назад, когда я почти попал под влияние своих друзей. О! если бы кто-нибудь сказал мне это тогда, когда я чувствовал себя последним ничтожеством и упрекал себя за то, что живу в хорошем доме, хорошо ем и пью, когда я боязливо уступал дорогу каждому рабочему и с бьющимся сердцем проходил мимо построек, где они работали. Досталось тогда моей жене! Я хотел все раздать и жить в добродетельной бедности. Право, если бы снова надо было пережить такие времена, лучше... Нет, правда, лучше в Мюггельское озеро... Поэтому я хочу... *(берется за шляпу)* наставить этого дурака на путь истинный.

Анна смотрит на него с хитровой улыбкой.

По-вашему, не надо?

Анна. Делайте, делайте все, что хотите, вы, большой ребенок!

Йоганнес. Фрейлейн Анна!

Анна. Ваше сердце — ваш враг, господин доктор.

Йоганнес. Видите ли, когда я представляю себе, как он теперь мечется, расстроенный, это... лишает меня покоя.

Анна. А хорошо ли так зависеть?

Йоганнес *(решительно)*. Нет, это нехорошо. Он может вообще не прийти. Он никогда не приходил первым. Ну, да что поделаешь! Вы правы! И поэтому я не пойду... на этот раз к Брауну... Ну, поехали кататься на лодке?

Анна. Но вы хотели мне прочесть третью главу.

Йоганнес. Мы можем взять рукопись с собой.

Анна. Прекрасно! Тогда я пойду одеваться. Я быстро. *(Уходит.)*

Йоганнес подходит к книжному шкафу, вынимает рукопись и углубляется в чтение.

Из передней входит фрау Фокерат, в руках у нее две книжечки с золотым обрезаем.

Фрау Фокерат. Ну вот, теперь я возьму один из ваших удобных стульев, надену очки и сотворю утреннюю молитву. А что, на веранде не холодно, если я там сяду?

Йоганнес. Нет, мама. *(Поднимает глаза от рукописи.)* Что это у тебя?

Фрау Фокерат. Слова от сердца. Ты знаешь, это мой любимый Лафатер. И здесь Герок... «Пальмовые листья»... Вот это был человек!.. Он иногда задавал ученым перцу. О, горе мое! *(Одной рукой обнимает Йоганнеса и кладет свою голову к нему на грудь. Нежно.)* Ну, мой взрослый мальчик, ты снова зарылся в свою философию? *(Не без юмора.)* Ах ты, молодой отец.

Йоганнес *(рассеянно, отрываясь от рукописи)*. Ну что, моя мамочка?

Фрау Фокерат. Ну как ты себя чувствуешь в своем новом, отцовском положении?

Йоганнес. Ах, мама! Ничего особенного, как всегда.

Фрау Фокерат. Ты не должен теперь так говорить! Сперва ты прыгал от радости, и вдруг... ты снова чем-нибудь недоволен?

Йоганнес (*рассеянно*). Ах нет, я очень доволен, мама.

Фрау Фокерат. Скажи, почему ты все время ходишь в новом костюме? Фрейлсйн Анна не будет на тебя в претензии. Носи старые вещи, тем более здесь, за городом.

Йоганнес. Мама, я уже не маленький ребенок.

Фрау Фокерат. Ну вот! Ты уже и ершишься. (*Крепче его обнимает. Нежно и проникновенно.*) Будь немного благочестивее, мой взрослый мужчина. Сделай это ради твоей старой матери. Этот сарый Геккель и этот глупый Дарвин делают тебя просто несчастным. Послушай! Сделай одолжение своей старой матери.

Йоганнес (*смотря в потолок*). Ах, хорошие человечки! О вас действительно можно сказать: господи, прости им, ибо они не ведают, что творят... Неужели ты думаешь, что стать благочестивым так просто?

Фрау Фокерат (*уходя*). Хорошо-хорошо. Тебе надо только захотеть. Попробуй только, Ганс, попробуй один раз! (*Уходит на веранду, садится на стул и там читает.*)

Йоганнес углубляется в чтение рукописи. Входит Кете с письмами.

Кете (*читает, потом отрывается от письма*). Ганнес! Письмо от банкира.

Йоганнес. Прошу тебя, Кетхен, мне сейчас не до этого.

Кете. Он спрашивает, продавать ли ему.

Йоганнес. Не приставай ко мне сейчас с этим, ради бога.

Кете. Но ведь время не терпит, Ганнес.

Йоганнес (*резко*). А вот это? Да, это? (*Судорожно ударяет рукой по рукописи.*) Мои дела торопят меня еще больше!

Кете. Ну что ж, по мне, дело можно оставить и так. Но только завтра у нас не будет денег.

Йоганнес (*еще резче*). Нет, Кете! Мы действительно не подходим друг другу. И ты еще удивляешься, почему у нас не налаживаются отношения. Только у меня станет немного спокойнее на душе, как появляешься

ты... и как ломовой извозчик начинаешь все перерачивать.

Кете. Совсем нет. Только что пришел почтальон, и я тебе просто сказала.

Йоганнес. Вот именно. Это и доказывает ваше абсолютное непонимание. Точно я сапоги шью. Приходит почтальон, и ты мне просто говоришь. Конечно! Почему не сказать! А то, что при этом ты нарушаешь с таким трудом составленную цепь рассуждений, тебе это даже в голову не приходит.

Кете. Но практические дела тоже нельзя выбрасывать из головы.

Йоганнес. А я тебе говорю — моя работа прежде всего! Она — во-первых, во-вторых, в-третьих, и только потом, по моему мнению, — практические дела. Пойми же ты это наконец, Кете! Поддержи меня хоть немножко! Или не говори мне ничего о практических делах. Решай их по собственному усмотрению. Оставь меня...

Кете. Я не могу брать всю ответственность на себя, Ганнес.

Йоганнес. Вот видишь, ты опять. Только бы не отвечать! Только бы не принимать самостоятельных решений! Вот таким образом вы сами себя ставите в зависимое положение, сами хотите быть вечно несовершеннолетними.

Кете (*хочет передать ему письмо*). Ах, Ганнес! Ну скажи же, что делать.

Йоганнес. Я сейчас не могу, Кете.

Кете. Когда же мне тогда прийти, Ганнес? Не могу же я, когда здесь фрейлейн...

Йоганнес. Это так мелко, так по-филистерски. Существуют всем известные вещи... Почему денежные дела надо выяснять в такой тайне? Это так ограничено... Я не знаю... Это так отдаёт крохоборством. Ах!

Кете. А если бы я начала об этом говорить при фрейлейн, хотела бы я посмотреть на тебя.

Йоганнес. Опять — «фрейлейн», «фрейлейн». Оставь фрейлейн Анну в покое! Она нам несколько не мешает.

Кете. Я и не говорю, что она мешает. Но я не думаю, что это будет для нее очень интересно...

Йоганнес. Ах, Кете! Это просто мучение. Постоянно эти денежные расчеты, постоянный страх, точно завтра мы уже будем голодать. Это ужасно! Это действительно производит впечатление, что твоя голова и сердце живут одними деньгами. А еще идеализируют женщин... Стоит ли после этого любить вас?

Кете. Я ведь не о себе беспокоюсь. А что же будет с маленьким Филиппом, если... Ты ведь сам сказал, что на заработок рассчитывать нельзя. Следует экономить.

Йоганнес. Ну, ясно! У тебя только и есть забот, что семья, а мои интересы гораздо шире. Вообще я плохой отец семейства. Самое главное для меня — выразить то, что во мне есть. А я — точно Пегас в ярме. Рано или поздно я погибну от такой жизни.

Кете. Йоганнес, то, что ты наговорил здесь, — ужасно.

Йоганнес. Фрейлейн Анна совершенно права. Кухня и детская — вот ваш горизонт в лучшем случае. Кроме этого для немецкой женщины ничего не существует.

Кете. Ведь кто-то должен же готовить пищу и нянчить детей. Анне хорошо говорить! Я бы сама с удовольствием читала книжки.

Йоганнес. Кете! Зачем ты умышленно принижаешь себя? Зачем ты так говоришь о создании, которое стоит столь высоко, как фрейлейн Анна...

Кете. Но если она говорит такие вещи!..

Йоганнес. Какие вещи?

Кете. О нас, немецких женщинах. Такие глупости.

Йоганнес. В этом нет ничего глупого. Напротив. Сейчас во мне все протестует. Я не хочу тебе говорить о том, как она хорошо о тебе отзывалась. Мне не хотелось бы чересчур стыдить тебя.

Кете. Она ведь говорила о нашем узком горизонте.

Йоганнес. Докажи, что она ошибается.

Кете (*в слезах, страстно*). Нет, Ганнес... Как ты ни хорош, а иногда... иногда ты так холоден, так жесток, так бессердечен.

Йоганнес (*немного успокаиваясь*). Ну вот, теперь я опять бессердечен! Почему это, Кете?

Кете (*всхлипывая*). Потому что ты меня... мучаешь. Ты это хорошо знаешь...

Йоганнес. Что я знаю, Кетхен?

Кете. Ты знаешь, как я сама мало довольна собой... Ты знаешь... но... у тебя нет ни капли жалости ко мне. Ты постоянно меня попрекаешь этим.

Йоганнес. Почему ты так решила, Кетхен?

Кете. Вместо того чтобы быть хоть раз добрым ко мне, немножко укрепить во мне веру в свои силы... ты постоянно принижаяешь меня, я чувствую себя совсем подавленной. Видит бог, у меня нет никаких иллюзий о своем широком горизонте. Но я не бесчувственное существо. Нет, правда, я далеко не идеал. Вообще я давно заметила, что никому не нужна.

Йоганнес (*хочет взять Кете за руку, но она отстраняется*). Ты не лишняя, я этого никогда не говорил.

Кете. Ты это как-то раньше сказал. И, если бы ты этого и не сказал, я все равно себя чувствую такой... Для тебя я могла бы не существовать, так как я ничего не смыслю в твоей работе. И мальчик... Ах, что там! Ему дают молочко, держат в чистоте... Но это может сделать и прислуга. И позже... Позже — что я смогу дать ему? (*Снова сильно плачет.*) А вот... фрейлейн Анна могла бы дать ему гораздо больше.

Йоганнес. Но что с тобой, дорогая Кетхен!

Кете. Я сказала это только так... Но это правда. Она ведь чему-то училась, во многом разбирается. А мы истинные калеки. Как можно быть опорой кому-то, если ты сам...

Йоганнес (*полный любви и пыла, хочет обнять Кете*). Кетхен! Золотко мое, золотко! У тебя сердце, как... Чудесное, отзывчивое сердце, как в сказке. О, ты мое сладкое существо. (*Она отстраняет его, он бормочет.*) Было бы бесчестно, если бы я... Я бываю иногда плохим и черствым! Я не стою тебя, Кете!

Кете. Ах нет, нет, Ганнес! Ты говоришь это только сейчас, чтобы...

Йоганнес. Правда, Кетхен, правда... Я был бы подлецом, если бы я...

Кете. Оставь меня, Ганнес, я должна подумать... Это письмо...

Йоганнес. Ах, глупенькая Кетхен! Ну о чем ты должна подумать?

Кете. На меня столько всего свалилось. Оставь, оставь меня.

Йоганнес (*горячо*). Ах, брось это письмо. Ты моя сладкая, сладкая девочка!

Кете. Нет, мой Ганнес, нет. (*Отстраняет его.*)

Йоганнес. Ну что с тобой?

Кете. Послушай, Ганнес. Посмотри-ка. (*Протягивает ему письмо.*) Он спрашивает, продавать ли ему.

Йоганнес. А что продавать?

Кете. Продавать ли акции ткацкой фабрики?

Йоганнес. А процентов не хватает?

Кете. Ах, что ты! В этом месяце мы снова истратили больше тысячи марок.

Йоганнес. Ну, Кете, это же просто невозможно! Дети, дети, вы недостаточно экономны.

Кете. Все записано, Ганнес.

Йоганнес. Это просто непостижимо.

Кете. У тебя очень много посторонних расходов, Ганнес. Вот капитал-то и уменьшается. Ну как, продавать?

Йоганнес. Да-да... конечно... Только подожди... Вообще... ничего страшного в этом нет. Куда ты?

Кете. Писать ответ.

Йоганнес. Кете!

Кете (*в дверях, оборачиваясь*). Что, Ганнес?

Йоганнес. Ты так и хочешь уйти?

Кете. А что?

Йоганнес. Я сам не знаю — что.

Кете. Что ты хочешь?

Йоганнес. Кетхен, я не знаю, что с тобой?

Кете. Ничего, Ганнес. Право, ничего.

Йоганнес. Ты меня больше не любишь?

Кете опускает голову и качает ею отрицательно.

(*Обнимая ее.*) Помнишь, Кетхен, о чем мы еще давно

уговорились: никаких секретов друг от друга? Даже в мелочах. *(Обнимает ее сильнее.)* Ну скажи что-нибудь! Ты меня не разлюбила, Кетхен?

Кете. Ах, Ганнес, ты же знаешь.

Йоганнес. Но что тогда с тобой происходит?

Кете. Ты тоже знаешь.

Йоганнес. Что такое? Я ничего не знаю; не имею ни малейшего понятия.

Кете. Я хотела бы для тебя что-нибудь значить.

Йоганнес. Ты и так для меня много значишь.

Кете. Нет-нет!

Йоганнес. Но тогда скажи, в чем дело...

Кете. Ты не можешь в этом сознаться, Ганнес, но... я тебе не подхожу.

Йоганнес. Тыходишь мне. Тыходишь мне во всем.

Кете. Это ты говоришь сейчас.

Йоганнес. Это мое святое убеждение.

Кете. Сейчас, в эту минуту.

Йоганнес. Но почему ты заключила, что...

Кете. Я вижу.

Йоганнес. Кетхен, разве я дал тебе повод?..

Кете. Нет, никогда.

Йоганнес. Ну вот видишь! *(Сжимает ее в объятиях.)* Это все фантазия, злая фантазия, которую надо отогнать. Ну полно, полно. *(Нежно целует ее.)*

Кете. Ах, если бы это была только фантазия!

Йоганнес. Поверь этому.

Кете. Я тебя так... так безумно люблю, Ганнес... Так, что и словами сказать нельзя. Я думаю, что скорее бы отдала Филиппа, чем тебя.

Йоганнес. Ну что ты, Кетхен!

Кете. Да простит мне господь!.. Капризный, дорогой, своевольный мальчишка! *(Обнимает его за шею.)* Любимый, хороший!

Горячо обнимаются. Дверь веранды открывает Анна, одетая для прогулки.

Анна *(кричит в комнату)*. Господин доктор! Ах, простите! *(Исчезает.)*

Йоганнес. Сейчас, сейчас, фрейлейн! *(Берет*

рукопись.) Мы едем на лодке, Кетхен... И никаких фантазий больше, обещаешь? *(Целует ее на прощание, берет шляпу, на ходу оборачивается.)* Может быть, ты поедешь с нами, Кетхен?

Кете. Я не могу уйти из дома, Ганнес.

Йоганнес. Тогда до свидания! *(Уходит.)*

Кете смотрит ему вслед неподвижным взором, как человек, который видел, как исчезает прекрасное видение. Глаза ее наполняются слезами.

З а н а в е с

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

Время — утро, около десяти часов. На письменном столе еще горит лампа. Кете сидит, погруженная в расчеты. Слышно, как старужи на веранде кто-то вытирает ноги. Кете приподнимается и напряженно ждет. Входит Браун.

Кете (*навстречу ему*). Ах! Это вы! Как это мило с вашей стороны.

Браун. Доброе утро! Какой неприятный туман!

Кете. День сегодня так, видимо, и не наступит. Идите сюда, печка еще топится... Фрау Леман передала вам мою просьбу?

Браун. Да, она была у меня.

Кете (*с этого момента, вопреки своему обычному спокойствию, нервозна и возбуждена. Глаза иногда блещут. На ее бледном лице выступает негкий румянец*). Подождите, я принесу сигары.

Браун. Ах, что вы, не надо, не надо! (*Направляется к Кете и опережает ее, снимая со шкафа ящик с сигарами, который она хотела достать.*)

Кете. Устраивайтесь поудобнее.

Браун (*взглянув на Кете*). Но мне не хочется курить.

Кете. Сделайте одолжение. Мне нравится запах сигар.

Браун. Ну, если так, тогда... (*Зажигает сигару.*)

Кете. Вы должны себя здесь чувствовать так же просто, как и раньше... Вот вы какой злой! Почему вы на неделе ни разу не заглянули к нам?

Браун. Я полагал, что я больше не нужен Гансу...

Кете. Но как вы могли так...

Браун. Да, но он занят теперь фрейлейн Анной Мар.

Кете. И как у вас поворачивается язык говорить такое?

Браун. Он ведь плюет на своих друзей.

Кете. Вы знаете, как он вспыльчив. Но это не всерьез.

Браун. Однако я очень хорошо знаю, кто настраивает его таким образом. Вообще-то говоря, Анна неглупый человек. Но мне совершенно ясно, что она цепка, эгоистична, беспощадна на пути к намеченной цели. Она боится меня. Она прекрасно знает, что со мной шутки плохи.

Кете. Но какая у нее может быть цель?..

Браун. Кто знает, может быть, он ей нужен или она надеется от него что-то получить. Я не подхожу ей. Ее не устраивает мое положение.

Кете. Я, право, никогда не замечала...

Браун *(поднимается)*. Я никому не навязываюсь. Я появился здесь по просьбе Ганса. И, если я становлюсь лишним, я уеду обратно.

Кете *(быстро и значительно)*. Анна сегодня уезжает.

Браун. Вот как! Значит, она уезжает?!

Кете. Да, именно поэтому, господин Браун, я хотела вас просить... Это было бы так ужасно для Ганнеса вдруг снова остаться совсем одному. Вы должны опять бывать у нас, господин Браун. Не обижайтесь на него,— я говорю о его недавней резкости. Вы хорошо знаете его и знаете, что он, в сущности, очень добр.

Браун. Я, конечно, не щепетилен, однако...

Кете. Ну что там, полноте! Оставайтесь у нас. Сегодня же! На целый день!

Браун. Нет, я лучше приду еще раз.

Кете. Но только постарайтесь быть к ее отъезду. Увидите, как все будет теперь хорошо. Я тоже научилась кое-что понимать. Мы проведем по-настоящему спокойную, славную зиму... Что-то я хотела вас еще спро-

силь? *(Как бы шутя.)* Видите ли, я должна зарабатывать деньги... Да-да, серьезно! Разве мы, женщины, не созданы для работы?

Б р а у н. С чего это вам вдруг в голову пришла такая идея?

К е т е. Так, господин Браун.

Б р а у н. Легко сказать — зарабатывать деньги.

К е т е. Ну, я могла бы, например, расписывать фарфор. Этот сервис — моя работа. Или, если это мне будет трудно, я могу вышивать. Знаете, на белье, такие великолепные монограммы.

Б р а у н. И все это — ради удовольствия?

К е т е. Ну, как знать!

Б р а у н. Если вы мне сейчас же не дадите объяснение, я не буду знать, что и подумать...

К е т е *(забываясь)*. Вы умеете хранить тайны? Ах, нет! Ну, короче: к человеку предъявляются требования... Все мы не являемся натурами, которые умеют считать.

Б р а у н. А меньше всех — Ганс.

К е т е. Ах, нет... Впрочем, из-за этого не стоит терзаться. Просто надо позаботиться о том, чтобы всего было достаточно.

Б р а у н. Если вы думаете, что сможете заработать столько... Заранее должен вам сказать: напрасные старания.

К е т е. Ну хотя бы четыреста талеров в год...

Б р а у н. Четыреста? Едва ли... Почему именно четыреста?

К е т е. Столько мне надо.

Б р а у н. Не воспользовался ли кто-нибудь снова безграничной добротой Ганса?

К е т е. Нет. Ни в коем случае.

Б р а у н. Может быть, это поддержка фрейлейн Анне?

К е т е. Нет-нет-нет! Что вы? Как вы могли даже подумать об этом?.. Я больше вам ничего не скажу. Ни одного слова, господин Браун.

Б р а у н *(берет шляпу)*. Во всяком случае, я не считаю возможным обещать вам что-либо. Это было бы действительно...

Кете. Ну хорошо, хорошо. Оставим это дело. Но вы вернетесь?

Браун (*собираясь уходить*). Непременно, конечно... Значит, это действительно серьезно, фрау Кете?

Кете (*пытается засмеяться, но на ее глазах выступают слезы*). Что вы! Я пошутила. (*Кивает ему решительно и несколько лукаво.*) Идите! Идите! (*Не владея больше собой, убегает в спальню.*)

Браун уходит в задумчивости. Фрау Фокерат несет миску с бобами, садится за стол и начинает чистить бобы. Кете возвращается и садится к письменному столу.

Фрау Фокерат (*трясет миску*). Хорошо, что снова будет тихо. Не правда ли, Кетхен?

Кете (*склонившись над счетами*). Не мешай, я должна подумать, мамочка.

Фрау Фокерат. Ну, ладно! Не буду тебе мешать... А куда она, собственно говоря, едет?

Кете. Кажется, в Цюрих.

Фрау Фокерат. Ну и с богом. Там ей и место.

Кете. Почему ты так говоришь, мамочка? Я думала, что она тебе нравилась.

Фрау Фокерат. Мне? Нет-нет. Она мне не нравится. Она мне кажется чересчур современной.

Кете. Однако, мамочка!

Фрау Фокерат. И вообще, что это за манера: молодая девушка три дня резвится с дыркой на рукаве.

Йоганнес в шляпе входит с веранды. Он хочет быстро пройти в свой кабинет.

Кете. Ганнес!

Йоганнес. Да?

Кете. Мне идти на станцию?

Йоганнес (*пожав плечами*). Как тебе угодно. (*Уходит в кабинет.*)

Небольшая пауза.

Фрау Фокерат. Что это с ним снова? (*Кончила чистить бобы и поднимается.*) Нет, правда, пора, чтобы в доме наступил порядок... Вот и люди тоже болтают.

Кете. О чем это?

Фрау Фокерат. Не знаю точно, о чем. Я только говорю... К тому же лишние расходы.

Кете. Ах, мамочка, что ты говоришь! Ну какая разница — готовить на троих или на четверых.

Фрау Фокерат. Океан состоит из капель, Кетхен!

Входит Йоганнес, садится, положив ногу на ногу, и листает книгу.

Йоганнес. Бессовестные чинуши!.. Под статью этому железнодорожному инспектору. Пьют целый день без просыпу и при этом еще грубиянят, как...

Кете. Когда отходит удобный поезд? Не злись же, Ганнес!

Йоганнес. Вообще отвратительное гнездо! (*Захлопывает с шумом книгу и вскакивает.*) Я больше здесь не останусь.

Фрау Фокерат. Но, мальчик, ты ведь снял эту дачу на четыре года.

Йоганнес. Неужели потому, что я имел глупость заключить договор на четыре года, я должен торчать в этой дыре и быть довольным?

Фрау Фокерат. Но ты всегда так рвался за город. Не прошло и полгода, а ты уже рвешься отсюда.

Йоганнес. И в Швейцарии можно жить на лоне природы.

Фрау Фокерат. А Филипп? Что же станет с ним? Не таскать же его по всему свету?

Йоганнес. Жить в Швейцарии полезнее для здоровья, чем здесь, также и для ребенка.

Фрау Фокерат. Ну, мальчик, в следующий раз тебе захочется на Луну. Мое дело сторона. Делайте что хотите. Со мной, старым человеком, вы можете не считаться. (*Уходит в переднюю.*)

Небольшая пауза.

Йоганнес (*вздыхая*). Дети, имейте все это в виду, говорю я вам!

Кете. Интересно, почему тебя осенила мысль именно о Швейцарии?

Иоганнес. Да-да! И нечего разыгрывать святошу. (*Передразнивая ее.*) «Интересно, почему тебя осенила мысль именно о Швейцарии?» Учти, я великолепно все понимаю. Я прекрасно знаю, о чем ты думаешь. Ты совершенно права. Я хотел бы жить там, где фрейлейн Анна. И это вполне естественно. Я предпочитаю сказать об этом открыто.

Кете. Ганнес, ты сегодня очень странный. Такой странный... Я лучше уйду.

Иоганнес (*быстро*). Я тоже могу уйти. (*Уходит через веранду.*)

Кете (*вздыхая и качая головой*). О боже, боже!

Входит Анна. Кладет шляпу, саквояж и пальто на стул.

Анна. Я готова. (*Обращаясь к Кете.*) Еще есть время? Сколько?

Кете. Три четверти часа по меньшей мере.

Анна. Ах! Я так довольна, что побывала у вас. (*Берет Кете за руку.*)

Кете. Да, время идет.

Анна. Теперь я запрячусь в Цюрихе. Работать, работать, и ничего больше.

Кете. Возьми бутерброд.

Анна. Нет, спасибо. Я не хочу есть.

Небольшая пауза.

Только бы остались позади всякие встречи. Неприятно это все... Все эти многочисленные знакомые... вопросы. Брр! (*Передергивается, как от холода.*) Ты будешь мне иногда писать?

Кете. Непременно! Только у нас мало что случается.

Анна. Ты мне подаришь свою карточку?

Кете. Охотно! (*Ищет в ящике письменного стола.*) Но она старая.

Анна (*слегка ударяет пальцем по ее затылку. Почти сочувственно*). Ах ты, тонкая шейка!

Кете (*ищет, поворачиваясь, с печальным юмором*). Ну что ж, на ней сидит не очень тяжелая голова, Анна!.. Да... вот она. (*Протягивает Анне фотографию.*)

Анна. Очень хорошо, очень хорошо. У тебя, наверно, есть и фотография мужа?.. Вы все мне так полюбились.

Кете. Не уверена.

Анна. Ах, дорогая Кетхен, поищи, поищи!.. Есть?.. Да?

Кете. Одна есть.

Анна. Ты не дашь мне ее?

Кете. Ладно, Анна, возьми.

Анна (*быстро прячет карточку*). И теперь... теперь я скоро буду вами забыта... Ах... Кетхен, Кетхен! (*Плача, падает к ней на грудь*.)

Кете. Не надо, Анна... Я буду... непременно, Анна... Я буду тебя вспоминать и...

Анна. Добром вспоминать?

Кете. Да, Анна, да.

Анна. Только добром?

Кете. Почему ты об этом спрашиваешь?

Анна. Разве ты немножко не рада, Кете, что я уезжаю?

Кете. Что ты этим хочешь сказать?

Анна (*отпуская Кете*). Да-да. Хорошо ведь, что я уезжаю. Во всяком случае, мама Фокерат начала относиться ко мне холодно.

Кете. Я этому не верю.

Анна. Можешь мне поверить. (*Присаживается к столу*.) Только к чему все это!.. (*Забываясь, вынимает фотографию и погружается в созерцание*.) Какая у него глубокая складка вокруг рта!

Кете. У кого?

Анна. У Ганса. Страдальческая складка. Это обычно бывает от одиночества. Кто одинок, тот много страдает от других... Как вы с ним познакомились?

Кете. Ах, это было...

Анна. Он был еще студентом?

Кете. Да, Анна.

Анна. Ты была тогда совсем юной и сказала ему: да.

Кете (*краснеет от смущения*). То есть я...

Анна (*как бы мучительно переживая*). Ах, Кетхен, Кетхен! (*Прячет фотографию и поднимается*.) Есть еще время?

Кете. Много еще.

Анна. Много? Господи, много! (*Садится к пианино.*) Ты не играешь?

Кете качает головой.

И не поешь?

Кете снова качает головой.

А Ганс любит музыку? Да? Я пела и играла... давно. Теперь бросила. (*Вскакивает.*) Все равно! Смеяться хорошо, когда весело. Приходится удовлетворяться и этим. Надо остановиться, пока не рассеялось очарование! Вещи тоже могут быть овеяны дыханием живых людей. И это самое лучшее. Не правда ли, Кете?

Кете. Не знаю.

Анна. Ах, далеко не все то сладость, что сладко пахнет.

Кете. Возможно.

Анна. Это чистая правда... Ах! Свобода! Свобода! Надо быть свободной во всех отношениях. Не нужно иметь родины, семьи, друзей... Теперь, должно быть, пора?

Кете. Еще нет, Анна.

Небольшая пауза.

Анна. Я приеду в Цюрих слишком рано. На целых восемь дней.

Кете. Вот как?

Анна. Только бы скорее начать работу! (*Вдруг, всхлипывая, бросается на шею Кете.*) О господи! Сердце мое разрывается на части от горя.

Кете. Бедняжка ты, бедняжка!

Анна (*резко освобождаясь*). Однако я должна ехать. Должна...

Небольшая пауза.

Кете. Анна... раз ты теперь уезжаешь... не дашь ли ты мне совет.

Анна (*печально, почти сочувственно улыбаясь*). Дорогая Кетхен!

Кете. Ты поняла... Ты так благодетельно на него влияла.

Анна. Правда? Это так?

Кете. Да, Анна... И, заметь, на меня тоже. Я тебе многим обязана. У меня теперь тоже созрело твердое решение... Посоветуй мне, Анна.

Анна. Я не могу тебе советовать. Я боюсь тебе советовать.

Кете. Ты боишься?

Анна. Я тебя очень люблю, очень люблю, Кетхен!

Кете. Ах! Если бы я могла для тебя что-нибудь сделать! Анна.

Анна. Этого ты не должна... не можешь.

Кете. Может быть, и могу. Может быть, я и знаю, отчего ты страдаешь.

Анна. Отчего же, дурочка?

Кете. Я могла бы сказать, но...

Анна. Вот чепуха! Отчего же я страдаю? Полно, полно. Я приехала и уезжаю обратно. Ничего и не случилось. Смотри-ка, кажется, снова появилось солнышко. Пройдемся по саду в последний раз. Так или иначе, сотням и тысячам людей бывает не лучше... однако... Мне пришла мысль, что я должна еще написать несколько слов.

Кете. Ты можешь это сделать здесь. *(Убирает бумаги на письменном столе.)* Или нет, перо и чернила там, в комнате у Ганнеса. Его там нет. Иди спокойно, Анна! *(Впускает Анну в комнату и возвращается.)*

Небольшая пауза.

Йоганнес *(появляется с улицы. Еще более взволнован)*. Опять начался дождь... Нам нужно было бы заказать экипаж.

Кете. Уже поздно?

Йоганнес. Да, к сожалению.

Кете. Приходил Браун.

Йоганнес. Меня это мало трогает. Чего ему надо?

Кете. Он придет к нам снова, и между вами все должно быть по-старому.

Йоганнес *(коротко смеется)*. Смешно! И это

должно меня вдохновлять? Может быть, нам еще послать за экипажем?.. Если это сделать быстро... Ах, вообще...

Кете. За экипажем, Ганнес? До станции ведь недалеко.

Йоганнес. Но скользко, можно упасть. Вообще самая неблагоприятная погода для путешествия.

Кете. Ах, только бы она села в купе.

Йоганнес. Третьего класса, переполненное, с мокрыми ногами.

Кете. Она, вероятно, сядет в дамское купе.

Йоганнес. Дай ей с собой хотя бы большой мешок для согревания ног.

Кете. Да-да, ты прав, я уже сама об этом подумала.

Йоганнес. Ах, вообще... все идет как-то кувырком.

Кете не отвечает.

Она, наверно, охотно осталась бы еще на пару дней.

Кете (*после небольшой паузы*). Но ты ей уже предлагал.

Йоганнес (*резче*). Я-то предлагал, а вы нет! Ты и мать! Вы обе молчали, когда я говорил, и она, по всей вероятности, заметила это.

Кете. Ах! Нет... я не думаю, Ганнес...

Йоганнес. Если при этом двое стоят... немые как рыбы, у всякого пропадет желание, и он предпочтет убраться восвояси... Собственно говоря, мне очень неприятно, что мы ее выпроваживаем в такую отвратительную погоду.

Кете (*приближаясь к нему, с нерешительной нежностью*). Нет, Ганнес! Не смотри на все это так неправильно. И не думай всегда так дурно обо мне! Как можно говорить о том, что ее выпроваживают, Ганнес.

Йоганнес. И все-таки вы недостаточно чутки. Вы просто слепы. У меня такое чувство, будто мы ее выставаем за дверь. Знаешь, как говорят: «Ты здесь достаточно побывала, теперь иди!.. Иди куда хочешь: на все четыре стороны! Выкарабкивайся сама как знаешь». Вот так мне все это представляется, Кете. Немного холодного сожаления на прощанье, вот и все!

Кете. Нет, Ганнес, от нужды мы ее как-то защитили.

Йоганнес. Неизвестно, возьмет ли она еще! И этого чертовски мало. Мы не можем возместить ей деньгами отсутствие внимания.

Кете. Но, Ганнес, когда-нибудь должна же она уехать.

Йоганнес. Так говорят филистеры, Кете. Она жила у нас, стала нашим другом, а тут филистеры говорят ей, что мы должны расстаться. Я этого не понимаю. Вот проклятая нелепость, которая вечно стоит поперек дороги и портит жизнь.

Кете. Ты хочешь, чтобы она осталась еще?

Йоганнес. Я ничего не хочу. Я говорю только, что это... Что наша манера мышления так бедна и так узка, как философия любого филистера. И, если бы это зависело от меня... то, насколько я себя знаю... если бы меня не сдерживали путы мелочных условностей, я по-другому сумел бы обойтись с этими вещами, по-другому сохранил бы чистоту своей души и предстал перед своей совестью не таким, как сейчас. Поверьте мне.

Кете. Ну, знаешь ли, Ганнес... Я теперь вижу, что я действительно совсем лишняя.

Йоганнес. Я этого не понимаю.

Кете. Если тебе меня одной недостаточно.

Йоганнес. О господи боже мой! Отец небесный! Нет... Действительно... Это уж слишком, понимаешь ли ты! Этого еще не хватало. Мои нервы не канаты. Я не могу этого больше выносить. *(Снова уходит в сад.)*

Фрау Фокерат *(вносит чашку бульона и ставит ее на стол)*. Это... для фрейлейн.

Кете *(разражаясь рыданиями, бросается на шею к фрау Фокерат, всхлипывает и дрожит)*. Мамочка, мамочка... мне надо уйти... прочь отсюда... прочь из этого дома... уйти от всех вас... Это уж слишком, слишком, мамочка!

Фрау Фокерат. Ради бога, что с тобой, деточка? Что? Кто тебе сказал?

Кете *(меняясь, возмущенно)*. Хватит, с меня достаточно. Я не такое ничтожество, чтобы меня выбрасывали. До этого я еще не дошла. Мамочка, я уезжаю сейчас же

на пароходе... в Америку... Только бы уехать, уехать в Англию, где меня никто не знает...

Фрау Фокерат. Что ты, девочка, в Америку! Боже милосердный! Что с тобой стряслось? Ты хочешь уйти от своего мужа, ребенка? Что же, малютка должен будет расти без матери? Ведь это же немыслимо!

Кете. Ах, при чем тут «мать»! Его мать — глупая, ограниченная женщина. Какую пользу ему может принести такая глупая, ограниченная женщина, как я. Ведь я же знаю, какое я ничтожество. Они говорили мне это изо дня в день. Они приучили меня к мысли, что я жалкое, несчастное создание. Теперь я сама себе противна. Нет, довольно, прочь отсюда прочь!

Фрау Фокерат. Но, Кетхен! Подумай хорошенько... Уезжать от мужа и ребенка... Я тебя заклинаю во имя господа бога.

Кете. Да разве Йоганнес когда-нибудь принадлежал мне? Сначала он был весь во власти друзей, а сейчас он в руках у Анны. Со мной одной он никогда не был счастлив. Я проклинаю мою жизнь. Я сыта до отказа этим проклятым существованием.

Фрау Фокерат (*со своей стороны взрывается в экстазе, как бы под влиянием неожиданного просветления. Глаза ее становятся неподвижными и сверкают, она то бледнеет, то краснеет*). Видите! Видите! (*Указывает пальцем в пустоту.*) Теперь видите, видите! Что я говорила? Видите! Дом, из которого изгнан бог, говорила я, может рухнуть в одну ночь. Видите! Не заблуждайтесь! Видите теперь! Что я говорила? Сначала он отрекся от бога, затем он нарушил супружескую верность... потом... Кетхен!

Кете (*борясь с обмороком*). Нет, мама! Нет-нет, мама... я... я...

Фрау Фокерат. Кетхен... возьми себя в руки, пойдем. Кто-то идет. Пойдем. (*Уводит Кете в спальню.*)

С веранды входит Йоганнес.

(*Открывает дверь из спальни.*) Ах, это ты, Ганс! (*Входит, изо всех сил подавляя волнение. Делает вид, будто что-то ищет в комнате.*) Ну, мальчик?

Йоганнес. Что такое, мама?

Фрау Фокерат. Ничего.

Йоганнес смотрит на нее вопросительно.

А ты что думал?

Йоганнес. Мне показалось, будто ты... Я должен сказать, что не люблю, когда вы за мной наблюдаете.

Фрау Фокерат. Мальчик, мальчик! Хорошо, что зима наступает. Твое состояние таково... Ты никогда так скверно не относился ко мне. Тебе прежде всего нужен покой.

Йоганнес. Да-да, вы всегда лучше, чем я, знаете, что мне нужно.

Фрау Фокерат. Ну и вообще, Кете тоже не совсем крепко держится на ногах.

Йоганнес. Ну, Анна ей, конечно, не доставила много хлопот.

Фрау Фокерат. Пусть так. Но я тоже старая женщина. Иногда я с удовольствием сделала бы что-нибудь, да старые кости не позволяют.

Йоганнес. Тебе это ни к чему. Я тебе это говорил сотни раз. В доме хватает прислуги.

Фрау Фокерат. Должна же и фрейлейн снова вернуться к своей работе.

Йоганнес. Это ее дело.

Фрау Фокерат. Нет, я не понимаю. Все хорошо в меру. Погостила, и хватит. Она ведь у нас была достаточно долго.

Йоганнес. Чего ты, собственно говоря, хочешь? Все это мне кажется таким странным, таким... Я просто не знаю...

Фрау Фокерат. Ты собираешься предложить этой Мар еще остаться и...

Йоганнес. Ну и собираюсь... И предложу. Непременно! Ты имеешь что-нибудь против, мама?

Фрау Фокерат (*грозно, в лицо*). Мальчик! Мальчик!

Йоганнес. Нет, мама! Это, действительно... Видит бог... как будто я преступление совершил! Это уж чересчур...

Фрау Фокерат (*с нежной проникновенностью*). Сынок, будь разумен! Послушай! Выслушай меня спокойно! Я же твоя мать! Я хочу тебе только хорошего. В целом свете нет человека, который бы к тебе так относился. Послушай! Я знаю, ты честный... Но мы слабые люди, Ганс, и... подумай и о Кете и...

Йоганнес (*смеясь*). Не пойми меня плохо, мама, но мне смешно. Мне не остается ничего другого, как смеяться, мать. Это просто смешно!

Фрау Фокерат. Мальчик, мальчик! В такую ловушку попадали и более сильные. Ведь замечают только тогда, когда уже поздно.

Йоганнес. Ах, мама! Если вы действительно верите, что я еще сохранил разум, ради бога, не приставайте ко мне с такой ерундой. Не сбивайте меня с толку. Не делайте меня смешным. Не называйте мне вещи, которые... Не создавайте вы мне обстановки, которая мне чужда. Убедительно прошу вас об этом, дети!

Фрау Фокерат. Ты должен знать, что ты делаешь, Ганс! Я тебе только скажу: не забывайся!

Фрау Фокерат уходит в спальню. Входит Анна.

Анна (*увидев Йоганнеса*). Господин доктор! (*Идет к стулу, на котором лежат ее вещи, берет плащ, чтобы его надеть.*) Не пора ли нам?

Йоганнес (*подскакивает, помогает ей одеться*). Все же?

Анна (*застегивая плащ*). Вы скоро пришлете мне то, о чем говорили?

Йоганнес. Это я не забуду. Видите ли, фрейлейн Анна, я бы немножко успокоился, если бы вы разрешили мне предложить вам как другу...

Анна. Это меня обижает, господин доктор!

Йоганнес. Ну хорошо. Я больше не буду с вами говорить об этом. Но вы мне обещаете вспомнить о моей просьбе в затруднительный момент. Если другие могут с вами делиться, то мы — тем более. (*Подходит к спальне и кричит.*) Мама! Кете!

Кете и фрау Фокерат выходят.

Анна (*целует руку фрау Фокерат*). Тысячу благодарностей.

Кете и Анна горячо целуются.

Милая, добрая! Напиши мне.

Фрау Фокерат. Желаем вам всего хорошего.

Кете. Да... и будь... (*плачет*) будь счастлива и... (*Рыдая, не может продолжать.*)

Йоганнес несет саквояж Анны. Кете и фрау Фокерат провожают их до веранды. Там они встречают Брауна, который прощается. Расстанутся. Фрау Фокерат, Кете и Браун остаются на веранде. Кете машет носовым платком. Затем все возвращаются в комнату.

Фрау Фокерат (*утешая притихшую Кете*). Ну деточка, деточка, смотри бодрее. Она переживет, она еще молода.

Кете. У нее были такие трогательные глаза. Она видела так много тяжелого в жизни.

Фрау Фокерат. Наш путь тоже не усыпан розами, Кетхен.

Кете. Ах, сколько еще горя и страданий на земле. (*Уходит в спальню.*)

Небольшая пауза.

Фрау Фокерат. А бульон-то она не выпила. (*Берет чашку, чтобы унести ее. Останавливается перед Брауном.*) Господин Браун, я должна вам сказать: за последние десять минут... правда-правда... я столько пережила. (*Делает несколько шагов, потом ее неожиданно охватывает слабость, и она вынуждена сесть.*) Я чувствую... слабость во всем теле. Словно разбитая.

Браун. Что-нибудь случилось, фрау Фокерат?

Фрау Фокерат. Я была бы вполне довольна, я ничего не сказала бы, если бы этим все кончилось... Господь бог погрозил нам своим перстом... и я... я поняла его... Но вы ведь тоже безбожник! Да-да, поверьте старой, много пережившей женщине, господин Браун! Без бога далеко не уйдешь. Рано или поздно споткнешься и полетишь в пропасть.

Небольшая пауза.

У меня все кружится перед глазами. (*Хочет подняться, но у нее не хватает сил.*) Это пройдет... Кто знает, что будет дальше? (*Прислушивается к тому, что происходит за дверью.*) Кто это там... в доме? Кто-то поднимается по лестнице... Ах, верно, у нас ведь стирка. Девушки, наверно, замачивают белье... Теперь тишина, можно и за дело взяться.

Небольшая пауза.

Видите ли, такой золотой характер, такой честный, безупречный человек, как Йоганнес... видите, к чему это приводит, когда поступаешь, сообразуясь только со своими силами. Всегда можно сказать величественные слова: моя религия — действие. Вот вы и убедились в этом. Господь бог одним дуновением разрушает наши карточные домики.

Не совсем уверенно появляется запыхавшийся Йоганнес, он быстро проходит.

Йоганнес. Дети, она остается!

Фрау Фокерат (*не понимая*). Кто... Йоганнес... остается?

Йоганнес. Как — кто? Она остается еще на несколько дней, мама, — фрейлейн Анна, разумеется.

Фрау Фокерат (*застыла в изумлении*). Фрейлейн Анна оста... Где же она тогда?

Йоганнес. В своей комнате, мама. Но я вас не понимаю...

Фрау Фокерат. Ну вот вам.

Йоганнес. Из любви ко мне не устраивайте трагедии из пустяков...

Фрау Фокерат (*поднимаясь, повелительно*). Ганс, послушай меня! (*Решительно.*) Я тебе говорю: этой даме здесь больше нечего делать. Она во всяком случае должна покинуть наш дом. Я требую этого категорически.

Йоганнес. Мама! В чем доме мы находимся?

Фрау Фокерат. Слушай, ты, я это знаю. Я очень хорошо знаю это. Мы в доме... человека, забывшего о своем долге, который... да-да, ты мне напомнил об этом: я могу уступить место этой особе.

Йоганнес. Мать! Ты говоришь о фрейлсйн Анне в таком тоне, который я не могу вынести.

Фрау Фокерат. А ты говоришь в таком тоне со своей матерью, что гробишь против четвертой заповеди.

Йоганнес. Мама! Я постараюсь сдержаться. Но учтите и мое состояние. Иначе может что-то случиться... Если вы меня будете понуждать, я сделаю что-нибудь такое, чего уже не поправишь.

Фрау Фокерат. Кто накладывает на себя руки, тот проклят во веки веков.

Йоганнес. Все равно. Поэтому... у вас есть основание быть со мной вдвойне осторожными.

Фрау Фокерат. Я уываю руки. Я уезжаю.

Йоганнес. Мама!

Фрау Фокерат. Или я, или эта особа!

Йоганнес. Мама, ты требуешь невозможного! Я ее уговорил с таким трудом. Что же, я теперь предстану перед ней как... Лучше уж пулю в лоб.

Фрау Фокерат (*с неожиданной решимостью*). Хорошо, тогда я пойду наверх. Я с ней поговорю как следует. Эта прожженная кокетка! Эта... Она заманила тебя в свою сеть.

Йоганнес (*загораживает ей дорогу*). Мама, ты не пойдешь наверх! Она под моей защитой, и я сумею оградить ее от всяких грубых оскорблений... от кого бы они ни исходили.

Браун. Ганс, Ганс!

Фрау Фокерат. Хорошо-хорошо. Я вижу... как ты далеко зашел. (*Уходит в переднюю.*)

Браун. Ганс, что с тобой случилось?

Йоганнес. Оставьте меня в покое... Вы наплевали мне в душу.

Браун. Будь благоразумен, Ганс! Меня зовут Браун. Я не имею намерений читать тебе моральные проповеди.

Йоганнес. Дети, вы затапываете в грязь мои мысли. Это духовное растление. Я ужасно страдаю от этого. Я не скажу больше ни слова!

Браун. Ганс! Сейчас ты не можешь молчать. Обстоятельства сложились таким образом, что ты, так ска-

зять, обязан говорить. Постарайся же быть более трезвым.

Йоганнес. Что же вы хотите узнать от меня? В чем мы виноваты? Дети, я в любом случае протестую против того, чтобы говорить защитительную речь. Этого не позволяет моя гордость. Понимаешь ли, это противно! Даже мысль об этом противна.

Браун. Послушай, Ганс! Я смотрю на вещи абсолютно трезво.

Йоганнес. Что мне до этого? Смотри на них как хочешь. И не говори мне ни слова о том, как ты их понимаешь, потому что каждое твое слово для меня все равно что удар хлыстом по лицу.

Браун. Ганс, но ты должен признать, что играешь с огнем.

Йоганнес. Я ничего не должен признавать. Не вам судить о моих отношениях с Анной.

Браун. Однако ты не можешь отрицать, что у тебя есть какие-то обязанности по отношению к твоей семье.

Йоганнес. Ты не можешь также отрицать, что у меня есть известные обязанности и по отношению к самому себе. Вспомните, как вы болтали без конца, и стоило мне сделать первый свободный шаг, как вы все испугались и начали говорить об обязанностях и прочем.

Браун. Этого я и не собирался тебе говорить. Что значит — обязанности? Ты должен только отдавать себе отчет в том, что делаешь. Речь идет здесь вот о чем: либо Анна, либо семья.

Йоганнес. Послушай, ты просто с ума спятил. Вы всеми силами хотите навязать мне конфликты, которые не существуют. То, что вы говорите, — неправда. Передо мной не стоит никакой дилеммы. С Анной меня связывает совсем не то, что связывает с Кете. Одно не исключает другого. Существует же дружба, черт возьми, у нас она покоится на духовном родстве и на общих интересах. Поэтому мы понимаем друг друга там, где нас другие уже не понимают, где вы меня не поняли. С ее появлением я начал жить заново. Я чувствую прилив творческих сил, я чувствую, что все это произошло под ее благотворным влиянием. Я чувствую,

что она является условием моего расцвета — как мой друг, разумеется! Разве не могут мужчина и женщина быть друзьями?

Браун. Ганс! Не пойми меня дурно, но ты никогда не умел трезво смотреть на вещи.

Йоганнес. Люди, вы не знаете, что вы делаете, говорю я вам. Вы судите по каким-то жалким шаблонам, из которых я давно уже вырос. Если бы я был вам дорог, вы бы мне не мешали. Вам неведомо то, что происходит во мне. Теперь, после ваших нападков, я вижу сам, что опасность существует. Но у меня есть воля добиться того, что является для меня жизненной необходимостью, не нарушая при этом границы дозволенного. У меня есть воля, ты понимаешь это?

Браун. Это твоя старая ошибка, Ганс. Ты хочешь совместить вещи, которые несовместимы. По-моему, есть только одна возможность решить все это: ты пойдешь к ней, представишь ей положение вещей так, как оно есть, и попросишь ее уехать.

Йоганнес. Ты кончил? Ты, кончил наконец? Чтобы тебе больше не ломать голову над этим вопросом и не расточать ненужных слов, я заявляю. *(Со сверкающими глазами, подчеркивая каждое слово.)* То, чего вы хотите, не будет!.. Я уже не тот, каким я был совсем недавно, Браун! Я обрел нечто, что движет мною. И ваше мнение не имеет надо мной никакой силы. Я нашел себя и останусь самим собой. Да, самим собой, несмотря на всех вас. *(Быстро уходит в кабинет.)*

Браун пожимает плечами.

Занавес

ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Время — между четырьмя и пятью часами пополудни. За столом сидят Кете и фрау Фокерат. Кете шьет детскую рубашечку, фрау Фокерат вяжет. Кете заметно осунулась. Проходит несколько секунд. Из кабинета выходит Йоганнес. На нем второпях надетое летнее пальто и шляпа; он собирается уходить.

Йоганнес. Анна ушла?

Фрау Фокерат (*вздыхая*). Только что вышла.

Йоганнес (*подходит к Кете и целует ее в лоб*). Ты аккуратно принимаешь микстуру?

Фрау Фокерат. Ах, эта глупая медицина! Кому она помогает? Уж я-то знаю, что помогло бы скорее.

Йоганнес. Ах, мама, мама!

Фрау Фокерат. Молчу, молчу!

Кете. Да-да, я только что принимала. И вообще у меня ничего нет.

Йоганнес. Сегодня ты, действительно, выглядишь лучше.

Кете. Мне лучше.

Йоганнес. Ну, береги себя как следует. Адье! Мы скоро вернемся.

Кете. Вы идете далеко?

Йоганнес. Ненадолго, в лес. До свиданья! (*Уходит через веранду.*)

Небольшая пауза. Слышен шум проходящего поезда. Затем издали доносятся звуки станционного колокола.

Фрау Фокерат. Слышишь? Колокол на станции.

Кете. Ветер доносит звон, мама. (*Опускает работу и задумывается.*)

Фрау Фокерат (*быстро взглядывает на нее*).
О чем ты все думаешь, Кетхен?

Кете (*продолжая шить*). Ах так, обо всем.

Фрау Фокерат. Ну о чем же?

Кете. Существуют ли, например, люди, которым не приходится ни в чем раскаиваться?

Фрау Фокерат. Ясное дело — нет, Кетхен.

Кете (*показывая работу свекрови*). А что если здесь подшить кругом елочкой, мама? (*Берет рубашонку и расправляет ее.*) Я думаю, по длине она будет хороша.

Фрау Фокерат. Не делай коротко. Лучше пускай будет длиннее. Дети растут быстро.

Обе усердно работают. Небольшая пауза.

Кете (*шьет*). Иногда Ганнесу действительно доставалось из-за моих капризов. И сама я часто от этого страдала. Ну что поделаешь с его натурой — это несчастье. (*Горько улыбается про себя.*) Да, мы были слишком самоуверенны. И ничего подобного себе представить не могли. (*Вздыхая.*) Эта рубашечка мне напомнила: в богадельне жила старая нянька. У нее в комодке уже много лет лежал сотканный ею самой саван. Она мне как-то его показывала. Было от чего прийти в уныние.

Фрау Фокерат. Выжившая из ума старуха.

Небольшая пауза.

Кете (*шьет*). Меньший Фидлер — славный мальчуган. Вчера я привела его ненадолго сюда и показала ему картинки. Он меня тогда спросил: «Тетя Кете, правда ли, что шмель — это муж, а пчела — его жена?»

Фрау Фокерат добродушно смеется.

Глупышка! А потом он потрогал мои веки и спросил: «Глазки там спят?»

Фрау Фокерат. Да, дети иногда бывают очень милы.

Кете (*со скорбной и мягкой веселостью*). И потом он всегда говорит «вошка» вместо «ложка», а я его этим поддразниваю.

Фрау Фокерат. Как смешно — вошка.

Обе смеются.

Кете (*опускает работу на колени*). А что ребенку иногда приносит огорчение! Я до сих пор помню, как я маленькой в течение многих лет, проходя мимо картофельного поля, умоляла господа бога, чтобы он помог мне поймать большую бабочку— «мертвую голову». Но я ее так и не поймала. (*Поднимается, усталая. Вздыхает.*) А позднее бывают другие переживания.

Фрау Фокерат. Ты куда? Побудь еще немного.

Кете. Я пойду посмотрю, не проснулся ли Филипп.

Фрау Фокерат. Не беспокойся, Кете! Все будет как надо.

Кете (*стоит около стула, приложив руку ко лбу*). Постой, мамочка! Я должна что-то вспомнить.

Фрау Фокерат (*мягко уговаривает ее*). Тебе нечего думать. Иди расскажи-ка мне лучше еще что-нибудь! (*Усаживает безучастную Кете на стул.*) Посиди... У Йоганнеса в детстве тоже были такие забавные истории.

Кете (*сидит не двигаясь, с широко открытыми глазами, устремленными на портрет, висящий над пианино*). Ах, добрый папа в своем облачении! Он никогда не допустил бы мысли, чтобы его дочь... (*Ее голос прерывается от слез.*)

Фрау Фокерат (*замечая это*). Ну, Кетхен!

Кете (*говоря с трудом*). Ах, прошу тебя, оставь меня.

Обе работают некоторое время молча.

(*Шьет.*) Ты была рада, когда родился Йоганнес?

Фрау Фокерат. От всего сердца. Кетхен. А ты разве не была рада, когда появился Филипп?

Кете. Я, празо, не знаю. (*Снова поднимается.*) Ах! Я пойду немного полежу.

Фрау Фокерат (*тоже поднимается, гладит руку Кете*). Конечно, если тебе нездоровится.

Кете. Попробуй мою руку, мама.

Фрау Фокерат. Ну-ка, дай. *(Берет ее за руку.)*
Как ледышка, голубушка.

Кете. Возьми-ка иголку. *(Протягивает ее.)*

Фрау Фокерат *(медлит)*. Да, но зачем она мне?

Кете. Посмотри. *(Несколько раз быстро колет себе ладонь.)*

Фрау Фокерат *(хватает ее за руку)*. Что ты! Что ты! Что ты делаешь?!

Кете *(улыбаясь)*. Ничуть не больно. Совсем. Я просто ничего не чувствую.

Фрау Фокерат. Что это за глупости? Пойдем, пойдем. Полежи немножко, полежи. *(Ведет Кете в спальню, слегка поддерживая ее.)*

После небольшой паузы появляется Браун. Он снимает шляпу и плащ и вешает их на вешалку.

Фрау Фокерат *(высовывает голову из двери спальни)*. А, это вы, господин Браун?

Браун. Добрый день, фрау Фокерат!

Фрау Фокерат. Я сейчас. *(Скрывается за дверь, появляется через несколько секунд, спешит к Брауну и быстро сует ему в руку телеграмму.)* Посоветуйте-ка мне! *(Пока он читает, она со страхом следит за выражением его лица.)*

Браун *(прочтя телеграмму)*. Вы сообщили господину Фокерату, в чем дело?

Фрау Фокерат. Ни слова! Нет-нет-нет. Это было бы свыше моих сил. Я только написала ему, что было бы хорошо, если бы он приехал, так как... я здесь задержусь и Кете не совсем еще здорова. Об остальном я не писала ничего. Ни слова. Даже о том, что фрейлейн Анна здесь.

Браун *(подумав, пожимает плечами)*. Да! На это ничего не скажешь.

Фрау Фокерат *(еще более испуганно)*. Вы находите, что я поступила неправильно? Может быть, вообще не нужно было писать ему? Но Кете тает у меня на глазах. И, не дай бог, она сляжет, тогда что?.. Тогда я не знаю, что может случиться. Сейчас она каждую минуту ложится прямо в одежде на кровать. И теперь она ле-

жит. Я больше не в силах. Я не могу отвечать за все одна; господин Браун. (*Сморкается.*)

Браун (*смотря в телеграмму*). Господин Фокерат приезжает с шестичасовым? А сейчас?

Фрау Фокерат. Еще нет половины пятого.

Браун (*подумав немного*). Ничего не изменилось за эти восемь дней?

Фрау Фокерат (*скорбно качает головой*). Ничего.

Браун. Что же, она ни разу не собиралась уехать.

Фрау Фокерат. Нет... ни разу. А Йоганнеса она буквально околдовала. Он всегда был несколько своенравным, но в конце концов он все-таки делал то, что мы хотели. Сейчас он ничего не видит и не слышит. Для него существует только эта особа. Во всем и везде только она. Ни матери, ни жены, господин Браун! Ах, господи! Что же нам делать? Я по ночам глаз не смыкаю, все думаю. Что ж теперь делать?

Пауза.

Браун. Не знаю, право, хорошо ли, что приедет господин Фокерат. Это Ганса только разозлит, и еще как... И потом... Потом ему не хочется быть смешным перед фрейлейн... И вообще у меня иногда такое чувство, что Ганс сам бы выкарабкался из этой истории.

Фрау Фокерат. Мне казалось то же. Поэтому-то, когда он ее привел обратно, я и дала себя уговорить. Но он день ото дня становится все хуже. Попробуй теперь заикнуться о чем-нибудь. И Кете я тоже не могу ничего сказать. С кем же мне посоветоваться?

Браун. А разве фрау Кете никогда не говорила с Гансом об этом?

Фрау Фокерат. Да, они однажды объяснялись. Просидели у него в кабинете за полночь. Бог их знает, о чем они там говорили. Но Кете чересчур терпелива. Она еще за Йоганнеса заступается, когда я что-нибудь говорю. Даже эту... прости господи, особу она не раскусила. Она и ее, где можно, берет под свою защиту...

Небольшая пауза.

Браун. Я себя не раз спрашивал, не поговорить ли мне с фрейлейн Анной.

Фрау Фокерат (*быстро*). Верно, а ведь это имело бы смысл.

Браун. Я даже как-то собрался написать ей... Если говорить серьезно, фрау Фокерат, я боюсь, что положение может резко осложниться, пока господин Фокерат успеет взять дело в свои руки.

Фрау Фокерат. Вот-вот. Но что же мне, оставалось делать: сердце от страха разрывалось. Ах, если вы хотите... если вы и вправду хотите с ней говорить...

Слышны голоса Анны и Йоганнеса.

Ах, прости меня господи! Не могу их сейчас видеть. (*Уходит через входную дверь.*)

Браун медлит. Пока они еще не вошли, тоже уходит в ту же дверь. С веранды входит Анна.

Анна (*снимает шляпу, переговариваясь через полуоткрытую дверь с Йоганнесом, который остался на веранде*). Что-нибудь интересное, господин доктор?

Йоганнес. Должно быть, что-то случилось. Полицейский взял лодку. (*Входит.*) Опять, наверно, какое-нибудь несчастье...

Анна. Что за меланхолическая примета?

Йоганнес. Здесь часто что-нибудь случается. На озере много опасных мест... Что это у вас, фрейлейн?

Анна. Бессмертники, господин доктор! Я возьму их с собой на память.

Йоганнес. Когда поедете, разумеется,— а это случится не скоро.

Анна. Вы считаете?

Небольшая пауза, во время которой оба медленно бродят по комнате.

Как рано уже темнеет.

Йоганнес. И, как только скрывается солнце, холодно. Зажечь свет?

Анна. Как хотите. А то, может быть, посидим немного так. (*Садится.*)

Йоганнес (*тоже садится в отдалении от Анны на*

первый попавшийся стул. После небольшой паузы). Сумерки! Они навевают старые воспоминания.

Анна. Сказки, не правда ли?

Йоганнес. Да, и сказки тоже. А сколько среди них есть чудесных, незабываемых.

Анна. О да! А знаете ли вы, как кончаются лучшие из них?.. «И только я надела стеклянную туфельку... как раздался звон, и башмачок разлетелся вдребезги».

Йоганнес (*после небольшой паузы*). Может быть, и это меланхолическая примета?

Анна. Я в это не верю. (*Поднимается, медленно идет к пианино, садится на стул и дует на пальцы.*)

Йоганнес (*тоже поднимается, делает несколько шагов. Останавливается позади Анны*). Порадуйте меня. Только несколько аккордов. Чтобы я получил удовольствие, достаточно несколько простейших звуков.

Анна. Я не умею.

Йоганнес (*с мягким упреком*). Ах, фрейлейн Анна! Почему вы так говорите? Не хотите, я знаю.

Анна. Я шесть лет не прикасалась к клавишам. Только с весны я понемногу начала опять играть. И потом, что я играю? Так, какие-то печальные, тоскливые песенки, которые я слыхала еще от моей матери.

Йоганнес. Спойте же одну из них, такую печальную, безутешную песенку.

Анна (*смеется*). Вот видите, вы уже подтруниваете.

Йоганнес. Я замечаю, фрейлейн, что вы не хотите мне сделать ничего приятного.

Небольшая пауза.

Анна. Да-да, господин доктор, я отвратительное, капризное существо.

Йоганнес. Я этого не говорю, фрейлейн Анна.

Небольшая пауза.

Анна (*открывает крышку пианино. Кладет пальцы на клавиши. Сосредоточивается*). Если бы я знала что-нибудь веселое.

Йоганнес сел в отдаленный угол, склонив голову, положив ногу на ногу, оперся локтем о колено, а к уху приложил ладонь.

Анна (*опускает руки на колени, говорит медленно, с паузами.*) Собственно говоря, мы живем в великое время... Мне кажется, точно что-то подавляющее, гнетущее постепенно уходит от нас... Вы не думаете этого, господин доктор?

Йоганнес (*откашливаясь*). В каком смысле?

Анна. С одной стороны, над нами тяготел непостижимый страх, а с другой — темный фанатизм. Чрезмерное напряжение, кажется, прошло. Будто ворвалась свежая струя из двадцатого века... Вы не думаете этого, господин доктор? Например, люди типа Брауна страшны нам не более, чем совы при дневном свете.

Йоганнес. Не знаю, фрейлейн! В отношении Брауна вы, видимо, правы. Но я еще не могу заразиться вашим оптимизмом. Я не знаю...

Анна. Это не зависит от индивидуальной судьбы каждого из нас. Это совсем не зависит от нашей маленькой судьбы, господин доктор! (*Пауза. Берет долгий аккорд.*)

Йоганнес (*после того как замер аккорд*). Ну?

Анна. Господин доктор!

Йоганнес. Вы так и не будете играть? Прошу вас.

Анна. Я должна вам сказать одну вещь, но вы не должны сердиться. Оставайтесь спокойным и уравновешенным.

Йоганнес. Что же?

Анна. Я думаю, что мое время истекло. Мне пора уезжать.

Йоганнес глубоко вздыхает, затем поднимается и медленно ходит по комнате.

Господин Йоганнес! Мы тоже делаем ошибки слабых людей. Мы должны обращать свой взор на более общие явления. Мы должны уметь жертвовать личным.

Небольшая пауза.

Йоганнес. Вы действительно хотите уехать?

Анна (*мягко, но уверенно*). Да, господин Йоганнес!

Йоганнес. С этого момента я буду в десять раз более одиноким, чем прежде. (*Пауза.*) Ах, лучше не говорить об этом.

Анна. Я хотела бы вам еще сказать... Я сообщила домой, что буду в субботу или в воскресенье.

Йоганнес. Вы обещали... Ах, фрейлейн, почему вы так спешите?

Анна. По многим причинам.

Пауза.

Йоганнес (*шагая быстрее и энергичнее*). Неужели, право, нужно все, все, что так нелегко было приобретено, принести в жертву этим проклятым условностям? Неужели люди, совсем не могут понять, что когда два человека, общаясь друг с другом, только выигрывают от этого, становятся лучше и благороднее, то это не преступление? Разве родители теряют что-нибудь оттого, что их сын становится серьезнее и лучше? Разве теряет что-нибудь жена, если ее муж растет и зреет духовно?

Анна (*добродушно грозит ему*). Господин доктор! Господин доктор, вы злитесь!

Йоганнес (*смягчаясь*). А как вы думаете, я неправ, фрейлейн?

Анна. И да и нет... Вы судите о вещах по-другому, чем ваши родители. Ваши родители судят о вещах иначе, чем ваша жена Кете. Против этого ничего не возразишь.

Йоганнес. Но это же ужасно... Ужасно для нас!

Анна. И для них... для других не менее.

Пауза.

Йоганнес. Но вы всегда сами говорили, что нельзя жить чужими мнениями, нельзя ставить себя в зависимое положение.

Анна. Ну, а если оно уже существует?

Йоганнес. Хорошо, я зависим. Бог наказал! Но вы... Почему вы на стороне других?

Анна. Потому, что я их тоже полюбила.

Пауза.

Вы мне часто говорили, что предчувствуете новую, более высокую ступень отношений между мужчиной и женщиной.

Йоганнес (*горячо, страстно*). Да, я предчувствую, что это время придет когда-нибудь. Тогда на первом плане будут не животные инстинкты, а человеческие. Не животное будет тянуться к животному, а человек к человеку. Дружба — это основа, на которой будет возвышаться любовь. Это будет чудесно! Нерасторжимый счастливый союз. Более того, я предвижу, что этот союз будет более возвышенным, более свободным и более щедрым... (*Прерывает себя, поворачивается к Анне.*) Если бы я сейчас мог отчетливо видеть ваше лицо, то заметил бы на нем улыбку. Не правда ли?

Анна. Что вы, господин доктор... На этот раз я не улыбаюсь. Это правда... Такие слова, которые легко пьянят воображение по привычке, вызывают у меня улыбку... Предположим даже, что в наших отношениях было что-то новое и возвышенное...

Йоганнес (*огорченно*). Вы в этом сомневаетесь? Хотите, чтобы я вам это доказывал? Разве вы чувствуете к Кете что-либо кроме искренней любви? Разве мое чувство к Кете стало другим? Напротив, оно стало глубже и полнее...

Анна. Но разве есть человек кроме меня, который поверит, что это так? И вряд ли это благоприятно действует на пошатнувшееся здоровье Кете... Я не хотела, чтобы о нас с вами говорили. Предположим... в самых общих чертах... кто-то предчувствует новые, совершенные отношения. Но эти отношения пока только в мечтах, и их можно сравнить с нежнейшим молодым растением, которое нужно беречь и лелеять... Вы не согласны с этим, господин доктор?.. Мы не можем надеяться на то, что этот побег вырастет за нашу жизнь. Мы никогда не увидим его больше, его плодами воспользуются другие. Несовершенный образец этих отношений в зачаточном состоянии, я думаю, мы могли бы дать потомкам. Я даже допускаю мысль, что кто-нибудь сделает это для себя целью жизни.

Йоганнес. И потому вы хотите, чтобы мы расстались?

Анна. Я не хотела бы говорить о нас двоих, однако, если вы настаиваете... да! Мы должны расстаться. Идти путем, который мне порой рисовался... нет... те-

перь я этого не хочу. У меня тоже появилось предчувствие чего-то более значительного... И с того момента прежние мысли кажутся мне слишком незначительными для нас. Честно говоря, слишком обычными! Это можно сравнить с переживаниями человека, спустившегося с высоких гор в долину, где все ему кажется мелким и незначительным по сравнению с широкими горизонтами, открывавшимися ему сверху.

Пауза.

Йоганнес. Ну, а если бы от этого никто не страдал?

Анна. Это невозможно.

Йоганнес. Но если бы у Кете были такие силы? Если ей удалось бы подняться до высоты наших идей?

Анна. Если бы Кете удалось... жить... рядом со мной... тогда я сама не могла бы больше доверять себе. Во мне... в нас... есть нечто враждебное тем светлым отношениям, которые мы предчувствуем, и оно может подавить их на долгое время, господин доктор. Не зажечь ли нам свет?

Фрау Фокерат (*появляется из передней со свечой*). Здесь еще темно. Сначала я зажгу лампу. Побудьте там, господин Браун, я немного приберу, чтобы...

Йоганнес кашляет.

(*Испуганно.*) Кто здесь?

Йоганнес. Мы, мама.

Фрау Фокерат. Ты, Йоганнес?

Йоганнес. Мы, фрейлейн Анна и я... А кто там?

Фрау Фокерат (*довольно неохотно*). Ну, Ганс, ты бы, право мог зажечь здесь свет... Это ведь не... сидеть так в темноте... (*Зажигает лампу.*)

Анна и Йоганнес не двигаются.

Ганс! .

Йоганнес. Да, мама.

Фрау Фокерат. Ты можешь пойти со мной? Я хотела тебе что-то сказать.

Йоганнес. А разве это нельзя сделать здесь?

Фрау Фокерат. Если у тебя нет для меня времени, ты просто так и скажи.

Йоганнес. Ах, мама... Конечно, я пойду с тобой. Извините, фрейлейн. *(Уходит с фрау Фокерат в кабинет.)*

Анна *(начинает брать несложные аккорды. Потом вполголоса поет).*

«Замучен в тюремной неволе,
На земле ты недолго прожил;
За народ, за счастливую долю
Свою голову гордо сложил».

(Замолкает.)

Входит Браун.

Анна *(поворачивается к нему на крутящемся стуле).* Добрый вечер, господин Браун!

Браун. Я не хотел помешать вам. Добрый вечер, фрейлейн!

Анна. Вы так редко появляетесь.

Браун. Почему же.

Анна. О вас часто спрашивали.

Браун. Кто же мог мной интересоваться? Наверно, не Ганс.

Анна. Господин Йоганнес? Нет... фрау Кете.

Браун. Видите ли... честно, я... ах, все это сейчас второстепенные вещи.

Пауза.

Анна. Видно, мы сегодня в таком настроении, что нам нужно рассказывать что-то веселенькое. Не вспомните ли вы что-нибудь? Иногда необходимо заставить себя посмеяться. Расскажите какой-нибудь анекдот или что-нибудь в этом роде.

Браун. Я не знаю.

Анна. Я вам верю, вы не понимаете, зачем нужен смех.

Пауза.

Браун. Собственно, я пришел... фрейлейн... чтобы поговорить с вами серьезно.

Анна. Вы? Со мной?

Браун. Да, фрейлейн Анна.

Анна (*поднимается.*) Тогда — пожалуйста. Я вас слушаю. (*Направляется к столу, развязывает пучок бессмертников и начинает их приводить в порядок.*)

Браун. Меня обуревали сомнения. Я говорю о том времени, когда мы познакомились с вами в Париже. Но, в сущности, все это чепуха. Не все ли равно, в конце концов, — рисовать, придерживаясь какой-то школы, или нет? Искусство — это роскошь, и в наше время быть поставщиком роскоши позорно при всех обстоятельствах. Тогда мне казалось, что вы вытянули меня из трясины. И, самое главное, что я хотел вам сказать, — тогда я уважал и ценил вас.

Анна (*собирая цветы, небрежно*). То, что вы сказали, не очень приятно, но продолжайте.

Браун. Если такие слова обижают вас, фрейлейн, тогда я сожалею... Значит, я ошибался.

Анна. Мне очень жаль, господин Браун.

Браун. Мне все это тяжело и неприятно. Лучше, когда события идут сами собой. Но это невозможно, потому что уже есть тяжелые последствия...

Анна (*напевая про себя*). «Тики-тики, доченька!..» Бессмертники... Я слушаю, господин Браун!

Браун. Когда я вижу вас такой, фрейлейн, я не могу сдержаться... У вас такой вид, будто вы ничего не понимаете... У вас такой вид, будто вы совсем не представляете себе всю серьезность создавшегося положения.

Анна поет «Розочку» Гёте.

Надо же иметь, наконец, совесть. Я не могу иначе, фрейлейн, я должен апеллировать к вашей совести.

Анна (*после небольшой паузы, холодно и небрежно*). А знаете, что папа Лев Десятый сказал о совести?

Браун. Я не знаю, и в данный момент это, право, меня не интересует, фрейлейн.

Анна. Это злой зверь, сказал он, который вооружает человека против самого себя... Ну, пожалуйста, прошу вас, я вся внимание.

Браун. Я не знаю, все ясно как на ладони. Вы должны видеть, что речь идет о жизни и смерти всей

семьи. Я думал, что достаточно бросить один взгляд на молодую фрау Фокерат, один взгляд, чтобы не было никакого сомнения, как себя вести. Я думал...

А н н а (*теперь серьезно*). Ах! Вот так! Вот оно что. Ну, продолжайте.

Б р а у н. Да, и еще... ваши отношения с Йоганнесом...

А н н а (*резко*). Господин Браун!.. До сих пор, слушая вас, я думала, что делаю одолжение другу моего друга. А сейчас вы бросаете слова на ветер.

Короткое неловкое молчание. Потом Б р а у н поворачивается, берет шляпу и плащ и уходит с видом человека, который сделал все, что мог.

Из передней входит ф р а у Ф о к е р а т.

Ф р а у Ф о к е р а т (*со страхом оглядывает комнату, решительно подходит к Анне, когда убедилась, что они одни*). Я в таком страхе за моего Ганса. Он так раздражителен, вы ведь знаете. А у меня душа разрывается на части. Я не могу больше с собой справиться. Фрейлейн!.. Фрейлейн!.. Фрейлейн Анна! (*Смотрит на Анну умоляющими глазами.*)

А н н а. Я знаю, что вы хотите.

Ф р а у Ф о к е р а т. Господин Браун говорил с вами?

Анна хочет ответить утвердительно, но голос ее прерывается, и она разражается рыданиями

(*Хлопочет около нее.*) Фрейлейн Анна! Дорогая фрейлейн! Выше голову! О, отец небесный! Только бы Ганс не вошел! Я не знаю, что делать, фрейлейн! Фрейлейн!

А н н а. Ничего... Все прошло. Вам нечего больше бояться, фрау Фокерат!

Ф р а у Ф о к е р а т. Мне и вас жаль. Я тоже человек. Вам несладко приходилось в жизни. Я это сердцем чувствую. Но Йоганнес мне все же ближе. Я не могу ничего изменить. А вы еще так молоды, фрейлейн, так молоды, в ваши годы это все преодолевается легко.

А н н а. Мне ужасно тяжело, что это так далеко зашло.

Ф р а у Ф о к е р а т. Я тоже никогда не попадала в такое положение. Я не могу вспомнить, чтобы я кому-нибудь отказала в гостеприимстве. Но я не знаю, как

поступить иначе. Это единственный выход для всех нас... Я никого не сужу. Я хочу говорить с вами как женщина с женщиной... Я хочу с вами поговорить как мать. *(Со слезами в голосе.)* Как мать Йоганнеса я хочу просить вас. *(Берет Анну за руку.)* Отдайте мне моего Йоганнеса! Отдайте измученной матери ее дитя. *(Опускается на стул, слезы ее падают Анне на руку.)*

А н н а. Дорогая, дорогая фрау Фокерат! Это ужасно, невыносимо... Но как я могу вам вернуть то, чего я не брала?

Ф р а у Ф о к е р а т. Оставим это. Я не хочу выяснять все до конца, фрейлейн. Я не хочу узнавать, кто кого совратил. Я знаю только одно: что мой сын никогда не позволял себе ничего подобного. Я в нем была так уверена, что до сих пор не могу понять... *(Плачет.)* Я слишком верила, фрейлейн Анна.

А н н а. Что бы вы ни говорили, фрау Фокерат, против вас у меня нет защиты...

Ф р а у Ф о к е р а т. Я не хотела причинить вам горе, видит бог, я не хотела вас огорчать. Теперь я в ваших руках и могу только просить... и просить от всего сердца, в безумном страхе за сына. Оставьте Йоганнеса... пока еще не все потеряно... пока сердце Кете не разбито окончательно. Сжальтесь!

А н н а. Фрау Фокерат, вы меня так обижаете... Мне кажется, что вы меня ударили... и... нет, не то... я хочу вам только сказать... уже решено, что я уезжаю... И если речь идет только об этом...

Ф р а у Ф о к е р а т. Я боюсь, что вы теперь скажете, фрейлейн. Ах, я не могу это выговорить! Но обстоятельства таковы... это должно произойти тотчас же... Если можно, оставьте наш дом в течение часа.

Анна собирает вещи, которые сняла с себя.

У меня нет больше выбора, фрейлейн.

Небольшая пауза.

А н н а *(с вещами в руке медленно идет к входной двери, останавливается перед фрау Фокерат)*. Неужели вы думали, что я еще задержусь?

Фрау Фокерат. Да хранит вас господь, фрейлейн!

Анна. Прощайте, фрау Фокерат.

Фрау Фокерат. Вы не скажете Гансу о нашем разговоре?

Анна. Не беспокойтесь, фрау Фокерат.

Фрау Фокерат. Да сохранит вас господь, фрейлейн Анна!

Анна уходит в переднюю. Фрау Фокерат облегченно вздыхает и спешит в спальню. На веранде виден фонарь. Старый Фокерат в форменной шинели и котиковой шапке входит в комнату, за ним — железнодорожный сцепщик, нагруженный свертками.

Фокерат (*очень доволен*). Вот мы и дома! Что, никого нет? Складывайте вещи сюда. Подождите! (*Ищет в портмоне.*) Вот вам за труды.

Сцепщик. Премного вам благодарен.

Фокерат. Подожди-ка, славный человек. (*Роется в карманах.*) Я помню, у меня было еще несколько экземпляров... «Пальмовых листьев»... А! Вот они! (*Передает ему несколько книжечек.*) Их написал благочестивый человек. Это чистая правда. Да послужат они вам во спасение души. (*Пожимает ему руку.*)

Удивленный сцепщик не знает, что сказать, и молча удаляется. Фокерат вешает шинель и шапку, осматривается кругом, потирает от удовольствия руки и прислушивается к тому, что происходит в спальне. Услыхав шаги, отскакивает и прячется за печкой.

Кете (*выходит из спальни; видит свертки, шинель и шапку*). Ах, господи! Так это же... так это... это же папочкины вещи!

Фокерат (*стремительно выскакивает из-за печки, смеясь и плача. Несколько раз целует и обнимает Кете*). Дочка! Сердце мое, Кете. (*Целует.*) Как у вас тут? Что делаете? Все живы и здоровы? (*Целует.*) Нет, вы даже не можете представить... (*Отпускает Кете.*) Не можете даже представить, как я рад этому дню. (*Почти все время смеется.*) А что делает принц? Ха-ха-ха. Как чувствует себя его высочество? Ха-ха. Его высочество принц Шнуди? Ха-ха-ха! Я благодарю господа бога, что я опять снова у вас. (*Немного устав.*) Знаешь... (*снимает очки и протирает стекла*) трудно долго быть од-

ному!.. Ха-ха... А как скучно, безотрадно одиноким людям. Веселее, когда рядом подруга. Ха-ха-ха!.. Н-да, н-да, так-то!.. К тому же много работаю, знаешь, навоз вывозил. Удобрения... ха-ха! — это золото для сельского хозяина. Недавно у меня был пастор Пфайфер и удивлялся, что навозная яма так близко от дома. *(Смеется.)* А я ему сказал: Дорогой пастор, сказал я, это наша золотая яма. Ха-ха-ха!.. Ну, куда скрылась моя старая верная подруга жизни... и мой Йоганнес? *(Внимательно разглядывает Кете.)* Не пойму, от лампы, что ли, ты мне кажешься не такой, как раньше, Кетхен!

Кете *(с трудом подавляет волнение)*. Ах, папочка, я чувствую себя совсем... *(Кидается ему на шею.)* Я так рада, что ты приехал!

Фокерат. Я тебя, наверно... я тебя, наверно... немало испугал, Кете?

В дверях появляется фрау Фокерат.

(Снова вне себя от радости.) Черт возьми! Ха-ха-ха... Вот и она.

Падают друг другу в объятия, плачут и смеются. Кете, не в силах вынести эту сцену, уходит.

(После объятий похлопывает жену по спине.) Так-то, старое, верное сердце... Эта разлука была самой долгой. Но где же, наконец, Йоганнес?

Фрау Фокерат *(медля с ответом)*. У нас еще гость.

Фокерат. Гость? Как!

Фрау Фокерат. Да, фрейлейн.

Фокерат. Вот как? Какая фрейлейн?

Фрау Фокерат. Ты же знаешь, фрейлейн Мар.

Фокерат. Я думал, она уехала... Впрочем, здесь много продуктов. *(Хлопчет со свертками.)* Я привез масло. Яиц я на сей раз не взял, помня, как намучился с ними в прошлый раз. А здесь... для Ганса, сыр собственного производства. Все это надо в погреб. А вот ветчина. Правда же, мамочка, что твоя лососина... Но что же ты молчишь? Ты здорова?

Фрау Фокерат. Да, папа. Но... я не знаю... у меня что-то тяжело на сердце... я не хотела тебе этого

говорить... но я так устала... ты мой самый верный друг. Я не могу больше переносить все одна... Наш сын... наш Йоганнес... был близок к тому...

Фокерат (*в страхе останавливается*). Что с Йоганнесом? Что? В чем дело?

Фрау Фокерат. Не волнуйся. С божьей помощью все обошлось. Фрейлейн вот-вот уезжает.

Фокерат (*глубоко потрясенный*). Марта! Этого не может быть!

Фрау Фокерат. Я не знаю, как далеко они зашли... Только... это было ужасное для меня время.

Фокерат. Я бы дал руку на отсечение, Марта, без колебаний. Чтобы мой сын! Марта, мой сын!.. Забыл свой долг и честь.

Фрау Фокерат. Ах, милый! Ты сам увидишь, сам разберешься во всем. Я не знаю, право...

Фокерат (*ходит по комнате бледный, что-то бормочет*). Да будет воля твоя, да будет воля твоя!

Фрау Фокерат тихо плачет.

(*Останавливается перед ней, глухо*.) Марта, должна быть причина. Давай подумаем.

Фрау Фокерат. Мы терпели все молча. А наши дети все больше и больше отходили от праведного пути и от бога.

Фокерат. Ты права. Это так. За это мы и наказаны. (*Берет жену за обе руки*.) Будем молить бога день и ночь, преклонимся перед ним в глубоком смирении. Будем молить бога, Марта.

Занавес

ДЕЙСТВИЕ ПЯТОЕ

Действие разворачивается сразу после событий четвертого акта.
Комната пуста. На столе все еще стоит зажженная лампа.

Йоганнес (*разгневанный, решительно входит*).
Мама! (*Открывает дверь в спальню.*) Мама!

Фрау Фокерат (*выходит из спальни*). Ну, что случилось, мальчик? Почему такой шум? Ты разбудишь Филиппа.

Йоганнес. Мама! Я хочу знать, кто дал тебе право выпроваживать из моего дома гостей?

Фрау Фокерат. Что ты, мальчик... мне это и в голову не приходило. Я никого не выпроваживала.

Йоганнес (*злой, ходит по комнате*). Мама, ты лжешь!

Фрау Фокерат. Как ты смеешь говорить это в лицо своей матери, Ганс!

Йоганнес. Я тебе должен сказать, потому что это так на самом деле. Фрейлейн Анна собирается уехать и...

Фрау Фокерат. И она сказала, что я отказала ей в гостеприимстве?

Йоганнес. Ей незачем это говорить. Я и сам вижу.

Фрау Фокерат. Интересно, почему ты сделал такой вывод, мальчик.

Йоганнес. Она уезжает. На кого не подействует ваше бесконечное нытье: Но я тебе заявляю: я ложусь перед дверью, беру револьвер (*берет его из книжного шкафа*), вот так! Я приставляю его к голове. И, если

она уйдет, я нажимаю курок. Это так же точно, как то, что я говорю с тобой!

Фрау Фокерат (*сжавшись от страха, хочет схватить его за руки*). Ганс!.. Что ты решил! Оставь это.

Йоганнес. Даю слово...

Фрау Фокерат (*кричит*). Отец! Отец! Иди сюда! Одна минута — и выстрел... Отец, приведи его в чувство!

Из спальни выходит старый Фокерат.

Йоганнес. Отец?! (*Сразу приходит в себя и опускает револьвер.*)

Фокерат. Да, я... да, сынок, это я... Нечего сказать, обрадовал ты меня!

Йоганнес. Что все это значит, мать?

Фокерат (*обращаясь к нему, серьезно и торжественно*). А то, сын мой, что ты должен образумиться, вот что это значит.

Йоганнес. Что привело тебя к нам?

Фокерат. Воля божья. Н-да. Воля божья привела меня к вам.

Йоганнес. Тебя вызвала мать?

Фокерат. Да, вызвала.

Йоганнес. У нее были на то причины?

Фокерат. Дружески поддержать тебя, н-да!

Йоганнес. В каком смысле я нуждаюсь в поддержке?

Фокерат. В том, что ты слаб, Ганс! Н-да! Ты оказался таким же слабым человеком, как мы все!

Йоганнес. Если я слаб, чем же ты хочешь мне помочь?

Фокерат (*подходит к нему, берет его за руку*). Я хочу тебе сказать, как мы все тебя любим, н-да! И еще я хочу тебе сказать, н-да, что господь бог радуется раскаявшемуся грешнику, н-да. Именно раскаявшемуся.

Йоганнес. Следовательно, я грешник?

Фокерат (*по-прежнему мягко*). Большой грешник, н-да!.. перед богом!

Йоганнес. В чем же я согрешил?

Фокерат. Христос считал грешником уже того, кто смотрит на женщину с вожделением, н-да!.. А ты совершил большее, н-да, н-да!

Йоганнес (*делает жест, будто хочет заткнуть уши*). Отец!..

Фокерат. Не замыкайся в себе, Ганс! Протяни мне руку, грешник — грешнику. Будем бороться вместе.

Йоганнес. Отец, я должен тебе сказать, что я стою совсем на другой точке зрения.

Фокерат. У этой точки нет опоры!

Йоганнес. Как ты можешь это говорить, отец! Ты не знаешь моей точки зрения, ты не знаешь моего пути.

Фокерат. О, конечно, это широкая дорога прямо к падению. Я наблюдал за тобой в тиши, н-да, но кроме меня за тобой пристально следило высшее существо — бог! И, хотя я знал это, я упустил время выполнить свой долг! Н-да! Но сегодня я обращаюсь к тебе от его имени и заявляю: обернись! Ты стоишь над пропастью!

Йоганнес. Я должен тебе сказать, отец... Твои хорошие слова искренни, но... они не находят отклика в моей душе. Твоей пропасти я не боюсь. Но есть другая пропасть, и подумайте о том, чтобы не столкнуть меня в нее.

Фокерат. Нет, Ганс!.. Нет.

Йоганнес. Неправда, что тот, кто смотрит на женщину с вожделением, рвет узы брака! Я боролся, боролся с собой...

Фокерат. Нет, Ганс! Нет. Я тебе часто, часто советовал, и тебе не было от этого хуже. Сейчас я тебе говорю: не обманывай себя, покончи с этим. Думай о своей жене, о Филиппе и немного о своих старых родителях... Не умножай...

Йоганнес. Могу ли я подумать также и о себе, отец?

Фокерат. Приняв решение, ты почувствуешь себя легко и свободно.

Йоганнес. А если это не случится?

Фокерат. Положись на меня, так будет.

Йоганнес. Речь идет обо мне. А как же... фрейлейн Анна?

она уйдет, я нажимаю курок. Это так же точно, как то, что я говорю с тобой!

Фрау Фокерат (*сжавшись от страха, хочет схватить его за руки*). Ганс!.. Что ты решил! Оставь это.

Йоганнес. Даю слово...

Фрау Фокерат (*кричит*). Отец! Отец! Иди сюда! Одна минута — и выстрел... Отец, приведи его в чувство!

Из спальни выходит старый Фокерат.

Йоганнес. Отец?! (*Сразу приходит в себя и опускает револьвер.*)

Фокерат. Да, я... да, сынок, это я... Нечего сказать, обрадовал ты меня!

Йоганнес. Что все это значит, мать?

Фокерат (*обращаясь к нему, серьезно и торжественно*). А то, сын мой, что ты должен образумиться, вот что это значит.

Йоганнес. Что привело тебя к нам?

Фокерат. Воля божья. Н-да. Воля божья привела меня к вам.

Йоганнес. Тебя вызвала мать?

Фокерат. Да, вызвала.

Йоганнес. У нее были на то причины?

Фокерат. Дружески поддержать тебя, н-да!

Йоганнес. В каком смысле я нуждаюсь в поддержке?

Фокерат. В том, что ты слаб, Ганс! Н-да! Ты оказался таким же слабым человеком, как мы все!

Йоганнес. Если я слаб, чем же ты хочешь мне помочь?

Фокерат (*подходит к нему, берет его за руку*). Я хочу тебе сказать, как мы все тебя любим, н-да! И еще я хочу тебе сказать, н-да, что господь бог радуется раскаявшемуся грешнику, н-да. Именно раскаявшемуся.

Йоганнес. Следовательно, я грешник?

Фокерат (*по-прежнему мягко*). Большой грешник, н-да!.. перед богом!

Йоганнес. В чем же я согрешил?

Фокерат. Христос считал грешником уже того, кто смотрит на женщину с вожделением, н-да!.. А ты совершил большее, н-да, н-да!

Йоганнес (*делает жест, будто хочет заткнуть уши*). Отец!..

Фокерат. Не замыкайся в себе, Ганс! Протяни мне руку, грешник — грешнику. Будем бороться вместе.

Йоганнес. Отец, я должен тебе сказать, что я стою совсем на другой точке зрения.

Фокерат. У этой точки нет опоры!

Йоганнес. Как ты можешь это говорить, отец! Ты не знаешь моей точки зрения, ты не знаешь моего пути.

Фокерат. О, конечно, это широкая дорога прямо к падению. Я наблюдал за тобой в тиши, н-да, но кроме меня за тобой пристально следило высшее существо — бог! И, хотя я знал это, я упустил время выполнить свой долг! Н-да! Но сегодня я обращаюсь к тебе от его имени и заявляю: обернись! Ты стоишь над пропастью!

Йоганнес. Я должен тебе сказать, отец... Твои хорошие слова искренни, но... они не находят отклика в моей душе. Твоей пропасти я не боюсь. Но есть другая пропасть, и подумайте о том, чтобы не столкнуть меня в нее.

Фокерат. Нет, Ганс!.. Нет.

Йоганнес. Неправда, что тот, кто смотрит на женщину с вожделением, рвет узы брака! Я боролся, боролся с собой...

Фокерат. Нет, Ганс! Нет. Я тебе часто, часто советовал, и тебе не было от этого хуже. Сейчас я тебе говорю: не обманывай себя, покончи с этим. Думай о своей жене, о Филиппе и немного о своих старых родителях... Не умножай...

Йоганнес. Могу ли я подумать также и о себе, отец?

Фокерат. Приняв решение, ты почувствуешь себя легко и свободно.

Йоганнес. А если это не случится?

Фокерат. Положись на меня, так будет.

Йоганнес. Речь идет обо мне. А как же... фрейлейн Анна?

Фокерат. Вольные птицы, Ганс, все легко преодолевают.

Йоганнес. А если ей будет нелегко преодолеть?

Фокерат. Значит, так угодно богу.

Йоганнес. Ну, отец... я другого мнения. Мы не понимаем друг друга. Мы никогда, видимо, и не пойдем друг друга в этих вопросах.

Фокерат *(все еще стараясь говорить мягко)*. Здесь речь идет... совсем не о взаимопонимании. Ты неверно смотришь на отношения. Н-да, н-да. Тут вовсе не в этом дело. И прежде ты хорошо это знал. Дело не в том, чтобы на вещи смотреть одинаково.

Йоганнес. Ты на меня не сердись, отец! Но тогда в чем же?

Фокерат. В послушании, думаю я, вот в чем дело! Н-да!

Йоганнес. Ты полагаешь: я должен делать все, что ты хочешь, даже если мне это кажется неправильным?

Фокерат. Я тебе ничего плохого не посоветую. Н-да! Мне очень жалко, что я должен тебе говорить... и вот так объяснять тебе... Н-да! Ты думаешь, что тебя вырастили без забот и бессонных ночей. Мы выхаживали тебя и приносили любые жертвы, когда ты был болен, а ты, Ганс, в детстве болел очень часто. Н-да! Мы делали все, что могли, и эти заботы доставляли нам только радость.

Йоганнес. Верно, отец! И я вам очень благодарен.

Фокерат. Слова, одни слова! Я хочу увидеть действия, поступки! Благочестивый, чистый и послушный человек, н-да! Вот настоящая благодарность.

Йоганнес. Следовательно, ты считаешь, что я не благодарен, что я не оправдал ваших забот?

Фокерат. Помнишь ли, как ребенком ты всегда молился в кроватке, н-да!.. Утром и вечером...

Йоганнес. И что же, отец?

Фокерат. «Ах, милый боженька, не лишай меня веры. А если я не буду верить...»

Йоганнес. «...то забери меня тогда с этой греш-

ной земли». Итак, ты считаешь, что было бы лучше, если бы вы меня похоронили?

Фокерат. Если ты будешь продолжать идти скользким путем, если... н-да! Если твое сердце останется холодным...

Йоганнес. Мне кажется, так было бы лучше.

Небольшая пауза.

Фокерат. Одумайся, сын. Подумай о тех, Ганс, н-да, которые тебя наставляли на путь истинный. Вспомни о пасторе Пфайфере, о твоём благочестивом учителе и духовном воспитателе. Представь себе...

Йоганнес (*выходя из себя*). Отец! Оставь меня в покое со своими учителями, это просто смешно. Не напоминай мне об этом обществе баранов, которые высушивали мой мозг.

Фрау Фокерат. О, отец всевышний!

Фокерат. Спокойно, Марта, спокойно. (*Йоганнесу.*) Ни твои учителя, ни мы такого не заслужили.

Йоганнес (*кричит*). Вы сломили мою душу!

Фокерат. Ты кощунствуешь, Ганс!

Йоганнес. Я знаю, что говорю. Вы сломили мою душу!

Фокерат. Так-то ты ценишь нашу любовь!

Йоганнес. Ваша любовь меня исковеркала.

Фокерат. Я не узнаю тебя. Я не понимаю тебя больше.

Йоганнес. Я тоже так думаю, отец. Вы меня никогда не понимали и никогда не поймете.

Небольшая пауза.

Фокерат. Ну хорошо, Ганс. Я сказал все. Я не предполагал, что дело зайдет так далеко. Я надеялся, но мои попытки оказались тщетными. Здесь может помочь один только бог. Пойдем, моя старая Марта! Нам здесь больше нечего делать! Н-да! Уйдем отсюда и будем ждать, пока господь бог не призовет нас к себе. (*Снова поворачивается к Йоганнесу.*) Ганс! Я должен еще сказать тебе. Не запятай... Слышишь?.. Не запятай рук своих кровью! Не бери на себя еще и этого греха!.. Заметил ли ты, что делается с Кете? Знаешь ли

ты, что мы беспокоимся за ее рассудок? Посмотри повнимательнее на это бедное дорогое существо! Н-да! Тебе все еще не ясно, что вы из нее сделали? Пусть мать тебе расскажет, как она ночью плачет и вздыхает над твоими фотографиями. Еще раз прошу тебя, Ганс, не запятай свои руки кровью. Ну, у нас все. Н-да! Пойдем, Марта, пойдем.

Йоганнес (*после небольшой борьбы*). Отец!!
Мать!!

Фрау Фокерат и Фокерат оборачиваются. Йоганнес бросается им в объятия.

Фокерат. Йоганнес!

Пауза.

Йоганнес (*тихо*). Скажите, что мне делать?

Фокерат. Не удерживай ее. Пусть уезжает, Ганс.

Йоганнес. Хорошо, обещаю тебе. (*Измученный, опускается на стул.*)

Фрау Фокерат, радостная, идет в спальню.

Фокерат (*гладит сидящего Йоганнеса и целует его в лоб*). Ну вот... бог дал тебе силы... н-да! (*Уходит в спальню.*)

Йоганнес (*сидит некоторое время неподвижно, потом вздрагивает, поднимается, смотрит из окошка в ночной сумрак, открывает входную дверь*). Здесь кто-то есть?

Анна. Это я, господин Йоганнес. (*Входит.*)

Йоганнес. Вы хотели уехать, не простившись? (*Ходит по комнате.*)

Анна. Некоторое время я, действительно, колебалась... Но теперь — нет.

Йоганнес. Я в ужасном положении. Приехал мой отец. Я никогда его не видел таким. Всегда такой радостный и бодрый человек... Я никак не могу отделаться от этого впечатления. А тут я еще должен видеть, как вы уезжаете, фрейлейн, и...

Анна. Видите ли, господин доктор, рано или поздно я все равно должна была уехать.

Йоганнес. Но вы не должны, вы не смаете уезжать! И тем более сейчас, сейчас, в этот момент! (*Садится, опирается головой на руку; глубокий стон вырывается из его груди.*)

Анна (*тихо и взволнованно*). Господин доктор! (*Прикасается рукой к его волосам.*)

Йоганнес (*выпрямляется и вздыхает*). Ах! Фрейлейн Анна!

Анна. Вспомните, о чем мы говорили еще час назад... Зачем же утешать себя иллюзиями?

Йоганнес (*встает, ходит в волнении по комнате*). Я не помню, о чем мы говорили, моя голова совсем опустошена и измучена. Я не помню, о чем я говорил с отцом. Я ничего не знаю. В моей голове совсем пусто.

Анна. Ах! Господин Йоганнес, было бы куда лучше, если бы наши последние минуты были светлее.

Йоганнес (*после небольшой внутренней борьбы*). Помогите мне, фрейлейн Анна! Во мне не осталось ничего возвышенного, ни крупинки гордости. Я стал другим! Я даже не тот, каким я был, когда вы к нам приехали. У меня остались только горькая досада и отвращение к жизни. Для меня все обесценено, развенчано и забрызгано грязью. Однако я чувствую, что благодаря вам и вашему присутствию я еще что-то представлял собой. А ваши слова... и если я снова их не услышу, тогда мне больше ничего не поможет. Тогда я подведу черту и... кончу свои расчеты с жизнью. (*Ходит кругом, останавливается перед Анной.*) Дайте мне точку опоры! Дайте мне что-нибудь, за что я мог бы ухватиться! Хоть соломинку. Я иду ко дну... во мне все рушится, дайте мне опору, фрейлейн.

Анна. Господин доктор! Мне очень горько видеть вас в таком положении. Я плохо понимаю, почему я должна быть опорой. Но об одном вы должны помнить. Мы это предвидели. Днем раньше, днем позже, мы должны были к этому быть готовыми, господин доктор!

Йоганнес молча обдумывает.

Ну, вспомнили теперь? Давайте попытаемся выполнить наш уговор. Вы его знаете. Мы даем обет... И будем

действовать. Мы оба одиноки... Всю нашу жизнь, если мы не увидим друг друга. Это наш обет. Хотите? Ничто другое нас связать не может. Мы не смеем себя обманывать. Все остальное разлучает нас. Принимаете? Ну, дайте руку!

Йоганнес. Я чувствую, что это, кажется, может меня удержать. Я тоже мог бы работать без надежды когда-либо достигнуть цели. Но кто поручится за меня? Где я возьму веру? Кто скажет мне, что страдания будут не напрасными?

Анна. Когда мы хотим, господин Йоганнес, зачем нам вера и гарантии?

Йоганнес. А если у меня слабая воля?

Анна (*совсем тихо*). Если бы моя воля была слабой, я думала бы о другой, которая живет по этому же закону. И я точно знаю, что это меня поддержит... Я буду думать о вас, господин Йоганнес!

Йоганнес. Фрейлейн Анна!.. Ну, хорошо, я согласен! Мы сохраним предчувствие новых, свободных отношений и в то же время ощущение того душевного счастья, которое наполняет нас при мысли об этом. Все, что мы тут почувствовали, и возможность, которую мы ощущали, не должны быть забыты. Это чувство должно жить в нас вне зависимости от того, даст ли нам будущее что-либо, или нет. Этот свет будет гореть во мне, и если он погаснет, то погаснет и моя жизнь.

Оба молчат, потрясенные.

Я благодарю вас, фрейлейн Анна!

Анна. Прощайте, Йоганнес!

Йоганнес. Куда вы теперь едете?

Анна. Может быть, на север... может быть, на юг.

Йоганнес. Вы не хотите сказать мне — куда?

Анна. А не лучше ли было бы вам не спрашивать меня об этом?

Йоганнес. И вы не хотите, чтобы мы даже переписывались... только несколько слов... только короткие весточки, может быть... что мы делаем, где живем?

Анна (*качает головой, печально улыбается*). Смест ли мы? Не большая ли это опасность потерпеть кру-

шение? А если мы потерпим крушение, тогда мы тоже будем обмануты.

Йоганнес. Ну, ладно... я буду нести свой крест. Я буду крепко его держать, даже если он меня раздавит. *(Берет Анну за руку.)* Прощайте.

Анна *(бледнея и краснея от волнения, смущенно и взволнованно)*. Йоганнес. Еще одно... Возьмите это кольцо... оно снято с пальца женщины, которая умерла... умерла в Сибири, последовав за своим мужем. Она была верна ему... до конца. *(С легкой иронией.)* У нас как раз наоборот.

Йоганнес. Фрейлейн Анна! *(Подносит ее руку к губам и крепко держит ее.)*

Анна. Я не носила другого украшения. Когда слабеешь, нужно вспомнить о судьбе этого кольца. И, если вы посмотрите на него... в минуту слабости... подумайте тогда и о той... о той, которая далеко от вас... одинока, как и вы, и ведет ту же внутреннюю борьбу... Прощайте!

Йоганнес *(выходя из себя)*. Неужели мы никогда, никогда больше не увидимся?

Анна. Если мы увидимся, — то мы потеряны.

Йоганнес. Это свыше моих сил.

Анна. То, что нас гнетет, в то же самое время дает силу. *(Хочет уйти.)*

Йоганнес. Анна! Сестра моя!

Анна *(со слезами)*. Брат мой, Йоганнес!

Йоганнес. Разве брат даже не смеет... поцеловать свою сестру, прежде чем расстаться с нею... навсегда?

Анна. Нет, Ганс. Нет.

Йоганнес. Да, Анна! Да, да! *(Обнимает ее, губы их сливаются в горячем, длительном поцелуе.)*

Анна вырывается и уходит через веранду. Йоганнес стоит некоторое время неподвижно, потом ходит по комнате большими шагами, берет руками за голову, вздыхает, вздыхает громче, останавливается и прислушивается. Вдруг издали доносится шум. Слышен шум прибывающего поезда. Йоганнес открывает дверь на веранду и прислушивается. Шум усиливается и потом затихает. Слышен станционный колокол. Первый, второй и третий звонок. Раздается свисток. Йоганнес направляется в свой кабинет, по дороге опускается на стул. Тело его содрогается от рыданий. На веранду падает слабый свет луны... В соседней комнате слышен шум, гром-

кó разговаривают. Иоганнес вскакивает, направляется в кабинет, останавливается, задумывается на один момент и быстро выбегает через веранду. Из спальни выходит старик Фокерат, за ним фрау Фокерат. Оба направляются к входной двери. Уходят через входную дверь.

Фокерат (*останавливаясь*). Ганс!.. Или это мне показалось... н-да, будто здесь кто-то был.

Фрау Фокерат (*у двери*). Кто-то поднимался по лестнице.

Фокерат. Да-да, мальчику нужен покой. Не будем ему мешать. Можно было бы к нему послать Брауна.

Фрау Фокерат. Да-да, папочка! Я пошлю за ним. А не подняться ли мне самой наверх, папочка?

Фокерат (*направляется к веранде*). Нет, лучше не ходи, Марта. (*Открывает дверь, прислушивается.*)

Какой чудесный, прозрачный лунный свет! Посмотри-ка!

Фрау Фокерат (*быстро отходит от двери в переднюю, идет к веранде*). Что там такое?

Фокерат. Дикие гуси. Видишь, вон там... над озером. Маленькими точечками пролетают они мимо Луны.

Фрау Фокерат. Где мне с моими глазами. Они теперь далеко не молодые. (*Отходит снова к входной двери.*)

Фокерат. Чу... Слушай!

Фрау Фокерат. Что такое? (*Останавливается.*)

Фокерат. Тсс... Марта!

Фрау Фокерат. Что там случилось, отец?

Фокерат (*закрывает дверь, подходит к жене*). Нет, ничего. Мне показалось, что внизу кто-то стукнул... веслами, Марта.

Фрау Фокерат. Кому там шуметь?

Кто-то заглядывает в окно с веранды. Это Иоганнес. Затем он осторожно входит в комнату. Он выглядит неузнаваемо. Лицо его мертвенно бледно, он тяжело дышит. В глазах страх, он пугливо озирается по сторонам; ищет бумагу и перо, пишет несколько слов. Услышав шум, вскакивает и бросает перо. Уходит через веранду.

Супруги Фокерат возвращаются, с ними Кете.

Фрау Фокерат. Ну надо же! Сидеть столько времени в крошечной темноте!

Кете (*прикрывает глаза ладонью от света*). Какой яркий свет!

Фрау Фокерат. Подумать только, какая нехорошая девчонка. Сидит в темноте бог весть с каких пор.

Кете (*слегка недоверчиво*). Почему... почему вы так добры ко мне?

Фокерат. Потому что ты у нас единственная, дорогая доченька. (*Целует ее.*)

Кете (*слабо улыбаясь*). Да-да, вы жалеете меня.

Фрау Фокерат. Тебе не хуже, милая моя?

Фокерат. Не приставай к ней. Теперь все войдет в свою колею. Самое неприятное, слава богу, позади.

Кете (*сидит у стола, после небольшого молчания*). Мне ничего, мамочка... Глаза еще режет свет... я чувствую себя, как человек, решившийся на что-то совсем безумное... и теперь вдруг понявший, какую непоправимую ошибку он мог совершить.

Фрау Фокерат. Что ты хочешь сказать?

Кете. Анна уехала?

Фокерат. Уехала, Кете!.. Теперь ты снова будешь веселой и счастливой.

Кете молчит.

Фрау Фокерат. Ты не любишь больше Йоганнеса, Кете!

Кете (*после небольшого размышления*). Впрочем, мне в жизни еще повезло. Вот Фанни Штенцель, она вышла замуж за пастора. И, если она даже очень довольна и счастлива, ты думаешь, я согласилась бы поменяться с ней? Нет, ни за что... Здесь пахнет дымом? Чувствуете?

Фрау Фокерат. Нет, дитя, я ничего не слышу.

Кете (*в отчаянии ломает руки*). Ах, господи! Все кончено, все кончено!

Фокерат. Кетхен, Кетхен! Зачем поддаваться малодушию! Я снова уверовал в справедливость господню и убежден, что все будет хорошо. Милосердный бог необычными средствами и неисповедимыми путями ведет заблудших. Мне кажется, Кетхен, я угадал его волю.

Кете. Видишь ли, мамочка, когда Йоганнес пришел

тогда ко мне с предложением, мое первое чувство было правильно. Как сейчас помню, целый день сверлила мысль: что у него, такого умного и ученого человека, может быть общего со мной? Что он найдет во мне? Видишь ли, это было совершенно верно.

Ф р а у Ф о к е р а т. Нет, Кетхен, не его духовный уровень выше, а твой, ты стоишь выше его, гораздо выше. Он должен смотреть на тебя снизу вверх, — вот это верно.

Ф о к е р а т (*дрожащим голосом*). А поэтому... Марта сказала... как оно есть на самом деле, н-да!.. А поэтому... если бы ты могла простить... простить его великий грех!..

К е т е. Ах! Если бы было что прощать! Прошают раз... сто раз... тысячу раз... Но как простить такого, как Ганнес!.. Ганнес держится с достоинством. Что мне, ничтожному существу, ему прощать? Все дело просто в том, что я не то, что ему надо. Я сама хорошо понимаю, что я такое и чего мне недостает.

Слышно, как на берегу озера кого-то громко зовут.

Ф р а у Ф о к е р а т. Кетхен, знаешь, что я тебе посоветую. Пслушайся, пойдем, я уложу тебя в кровать и почитаю тебе что-нибудь. Сказки Гримма, — хочешь, пока ты не заснешь? А завтра, рано утром, я тебе сварю суп с пептоном и яичко всмятку, а потом ты встанешь, и мы пойдем в сад. На солнышке, право, очень хорошо, и ты совсем по-другому будешь смотреть на все, чем сегодня вечером. Пойдем, пойдем!

Б р а у н (*входит с веранды*). Добрый вечер!

Ф о к е р а т. Добрый вечер, господин Браун!

Б р а у н. Добрый вечер, господин Фокерат! (*Здоровается с ним за руку.*) Йоганнес здесь?

Ф о к е р а т. Он, вероятно, наверху.

Б р а у н. Так ли!.. Вы уверены?

Ф о к е р а т. Думаю, что да. А ты как полагаешь, Марта? Чего это вы вдруг?

Б р а у н. Пойду все же посмотрю. (*Уходит через входную дверь.*)

Ф р а у Ф о к е р а т (*слегка встревоженно*). Что такое с Брауном?

Кете (*испуганно, возбужденно*). Где же Ганнес?
Фрау Фокерат. Зачем так пугаться, Кетхен! Где же он может быть?

Кете (*с заметно возрастающим волнением*). Куда же он ушел?

Фокерат. Он наверху; ну да, конечно, наверху.

Браун возвращается. Обстановка напряженная.

Пауза.

Фокерат. Ну как, господин Браун?

Браун. Нет, господин Фокерат, наверху его нет, и... и...

Фокерат. Н-да!.. Н-да! Ну, что у вас там случилось?

Браун. Нет, ничего, ничего.

Кете (*быстро подходя к Брауну*). Говорите, вы что-то скрываете?

Браун. Нет-нет, уверяю вас... нет никаких причин беспокоиться... Но только у меня такое чувство... что Ганса теперь ни в коем случае нельзя оставлять одного. Когда я подходил к вашему дому... ах, право, это сущая ерунда.

Фрау Фокерат. В чем же дело? Говорите, говорите, прошу вас!

Фокерат. Говорите же, не теряйте времени зря!

Браун. Да ничего особенного. В тот момент, когда я отворил калитку в сад, мне послышалось, что кто-то отвязывает с цепи лодку... Когда я подошел ближе, кто-то уже отплывал на ней... Какой-то мужчина... У меня мелькнула мысль, что это Ганс... но он не откликнулся. А Ганс наверно бы отозвался.

Кете (*в исступлении*). Йоганнес! Да, это был он! Бегите! Бегите, ради бога, бегите скорее! Отец! Мать! Это вы, вы довели его до отчаяния. Зачем, зачем вы это сделали?

Фрау Фокерат. Кете, голубушка?..

Кете. Я ведь чувствовала. Он не может так дальше жить. Я бы на все охотно согласилась. Только не это! Только не это!

Фокерат быстро уходит в сад, слышно, как он кричит: «Ганс! Йоганнес!»

Фрау Фокерат *(спешит к входной двери, кричит на весь дом)*. Ганс! Ганс!

Кете *(Брауну)*. Вы говорите — мужчина? Вы его звали? Он не откликнулся? Бегите, бегите скорее!

Браун выходит.

(Кричит ему вслед.) Я догоню... *(Ломает руки.)* Ах, боже мой, господь милосердный. Только бы он еще жил! Только бы он мог еще услышать меня!

Слышны крики Брауна, доносящиеся с озера.

(Кричит через входную дверь.) Альма! Минна! Несите фонари в сад... Скорее! Скорее фонари! *(Собирается бежать через дверь на веранду, замечает записку. Остатнавливается как вкопанная, затем, дрожа, приближается, берет ее, смотрит некоторое время остановившимся взглядом и как подкошенная падает.)*

Из сада все еще доносятся крики.

Занавес